

ШКУРИН АЛЕКСАНДР

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

ПОВЕСТЬ

Александр Шкурин

Утренняя звезда. Повесть

«Издательские решения»

Шкурин А.

Утренняя звезда. Повесть / А. Шкурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856269-3

Повесть в жанре магического реализма в двух частях. В первой показывается один день двух похожих друг на друга мужчин, во второй — о службе солдата в середине 80-х годов в беспокойном закавказском городе, где начинаются волнения на национальной почве. Что связывает первую и вторую часть повести — главная интрига книги.

ISBN 978-5-44-856269-3

© Шкурин А.
© Издательские решения

Содержание

Первая часть	6
Эпизоды	6
1.1	7
Алекс	8
1.2	15
Арон	16
1.3	21
Алекс. Поездка в трамвае	22
1.4	28
Арон. Дорога в собор	29
1.5	50
Побег. Каждый уходит по-своему	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Утренняя звезда Повесть

Александр Шкурин

*посвящается Александру Титову,
главному редактору ежемесячных
петербургских литературных
журналов клуба «Век искусства»*

© Александр Шкурин, 2017

ISBN 978-5-4485-6269-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая часть Двое в городе

Эпизоды

*Ой, да не вечер, да не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось.*

Казачья песня

1.1

Алекс

Над городом, опрокинутым в предрассветную густую синь, плыл колокольный звон. Колокольный звон поднимался в светлеющее небо, на котором блекла и истончалась луна, и вместе с ней, как в сахарном сиропе, растворялись и меркли звезды. Только одна утренняя звезда упрямо не теряла своего колючего блеска, и колокольный звон, чуть-чуть не дотянувшись до неё, спускался на город, где затихал среди улиц и зданий, и терялся на дальнем погосте среди кладбищенских крестов.

Бом-м-м, бом-м-м, бом-м-м.

Тяжелый язык колокола равномерно ударялся по звуковому кольцу, отчего рождался низкий басовитый звук, распространявшийся сначала по звоннице, который потом вырывался на простор и разносился по всему городу.

Звук большого колокола привычно оглушал звонарей, а звуковые вибрации творили с ними настоящие чудеса, заставляя в унисон вибрировать каждую клеточку их тел. Эти вибрации на краткий миг заставляли звонарей увидеть окружающий мир очищенным от скверны, и их тела пели вслед за колоколом и просились в горный полет.

Перед тем, как начать звонить в колокола, звонари подходили к батюшке и получали у него благословение, а потом у охранника брали ключ от колокольной. Ключ был большой, под стать большому навесному амбарному замку, запиравшему двери колокольной. Ключ легко входил в ключевину, со щелканьем проворачивался, дужка замка выскакивала из проушин, и с протяжным скрипом отворялась дверь колокольной. В полутьме колокольной тусклым серебром блестели ступеньки металлической витой лестницы, истертые подошвами не одного поколения звонарей. Витки лестницы поднимали каждого, кто ступил на её ступени, все выше и выше, и к концу подъема приходилось опираться на дубовые перила, чтобы сделать последний рывок к колоколам.

Туп, туп, туп, – от стен колокольной отражался звук шагов звонарей, поднимающихся по лестнице, – туп, туп, туп. Звук шагов утраивался, поскольку по лестнице, гуськом друг за другом, поднимались трое звонарей. Первый звонил в малые колокола, шедший вторым – в средние колокола, шедший третьим – в большой колокол. Последний звонарь был самым высоким, худым, с короткой стрижкой волос выцветшего серого цвета, какой бывает у осенней, побитой морозом, травы. Он был убежденным атеистом, но судьба и нужда в заработке привели его на колокольную. Двое других звонарей едва дотягивали ему до плеча. Звонарь в средние колокола был вертлявым малым с наголо обритым черепом и лицом, похожим на печеное яблоко. Он, как сорока, обожал блестящие предметы, в мочке левого уха болтался крестик, пальцы были унижены серебряными перстнями, и правая рука от запястья до локтевого сгиба была густо татуирована, он так же не верил в бога, но чтил денежки, поэтому и работал звонарем. Только звонарь в малые колокола, плотный рыжеватый мужчина с бородкой и усами, был по-настоящему богобоязненным, регулярно читал молитвы и старался жить, не нарушая церковных канонов. Он был главным в этой троице. Недавно сын с невесткой подарили ему внуку, и он старался им помочь, отдавая заработок, получаемый в соборе.

Звонари в малые и средние колокола была музыкантами. Звонарь в большой колокол был самоучкой. В детстве он ходил в музыкальную школу, но все забыл, однако хороший слух

позволил ему научиться звонить в большой колокол и четко выдерживать целые ноты. Это давало возможность двум другим звонарям, ударами в средние и малые колокола, украсить колокольный звон различными ритмическими рисунками.

Большой колокол на звоннице был последним в ряду колоколов, и обычно его звонарь входил на звонницу первым. Однако в последнее время он изменил этому правилу и стал заходить последним, и надолго останавливался на площадке, которая делила пополам лестницу, якобы переводя дух. На самом деле ему стало казаться, что по первой половине лестницы поднимается он сам, а дальше дорога ему заказана, и вместо него вторую половину преодолевал кто-то другой, а он в виде незримого духа только присутствовал при этом подъеме. Поэтому, остановившись на площадке, звонарь ждал, когда пройдет томительное чувство раздвоенности, и потом поднимался на звонницу.

По звоннице вольготно гулял холодный октябрьский ветер, норовил забраться под одежду, и перед тем, как начать звонить, звонари закладывали уши ватой, плотно натягивали шапки, надевали перчатки и отвязывали веревки колокольных языков.

Звонарь в большой колокол, перед тем, как начать мерно раскачивать язык колокола, привычно целовал его край, губы ощущали стылый металл, и шептал: «не подведи, милый». После окончания колокольного звона, когда края колокола становились теплыми, звонарь опять-таки привычным жестом благодарно проводил по ним рукой, ощущая выпуклые латинские буквы по его окружности. Колокол ни разу подвел звонаря и выдавал сильный и гулкий звук, слышимый по всему городу.

Этого звонаря, перед тем, как научили правильно бить в колокол, просветили, что при звоне полагалось молиться и читать пятидесятый псалом. Он пожал плечами и ответил, что атеист и не умеет молиться; на него махнули рукой и посоветовали при звоне просто вести отсчет.

Поэтому, начиная раскачивать язык колокола, он, чтобы войти в ритм, начинал вести отсчет. Один, два, три, пять, десять. При слове «десять» звонарь в последнее время стал ощущать, что за его спиной появлялся незнакомец, который помогал ему дергать веревку, привязанную к языку колокола. Он пытался обернуться, чтобы увидеть лицо незнакомца, который мгновенно прятал лицо. На незнакомце была солдатская шапка-ушанка, серая шинель и на руках трехпалые солдатские рукавицы. Так вдвоем, звонарь и незнакомец, продолжали синхронно раскачивать язык колокола. Вдвоем раскачивать язык большого колокола было значительно легче, они слаженно тянули веревку, и с каждым взмахом язык поднимался все выше, пока не задевал край колокола, и рождался низкий гулкий звук.

Звонарь начал звонить Благовест. Едва большой колокол подавал свой голос, как звонарь закрывал глаза, и перед его внутренним взором от колокола вместо звуков начинали отчаливать во все стороны большие белые лодки, острыми носами вспарывающие утреннюю тишину, словно неподвижную воду в озере, где внизу, под водой, в синей дымке качался город.

Вслед за Благовестом начинался Трезвон. В действие вступали другие звонари. Рыжий звонарь начинал дергать веревки малых колоколов. Дробный звон малых колоколов был подобен звуку падающих в воду больших зеленых яблок, словно мальчишки, обнесшие колхозный сад и спасавшиеся от гнавшегося за ними сторожа с берданкой, бросали их в озеро, по которому неслись большие белые лодки. Последним вступал звонарь с серьгой в ухе, который начи-

нал бить синкопами в средние колокола. Звуки средних колоколов были подобны стае уток, что вслед за яблоками плюхнулись в холодные и чистые воды озера, и от них во все стороны кругами по воде расходились волны.

Колокольный звон плыл над городом, очищая от ночной скверны, и город начинал просыпаться, потягиваться, в темных окнах вспыхивал свет, и открывались двери подъездов, выпуская первых ранних пташек, устремившихся на работу.

После того, как звонари отзвонили заутреннюю, город, подобно затопленному граду Молога¹, выплыл из темно-синих глубин утреннего озера в новый день, упершись крестами собора в высокое безоблачное небо, на котором был еле виден истаявший бледный полумесяц луны, и только одинокая утренняя звезда не сдавалась, по-прежнему блистая колючим светом.

После окончания колокольного звона звонари всегда очень медленно спускались по лестнице. Быстрый спуск с колокольни был подобен святотатству. Звонарям казалось, что они несли в вытянутых руках большие чаши, полные небесной благодати, которую ни в коем случае нельзя расплескать. Потом звонари будут улыбаться каждому встречному и щедрой рукой делиться с ними небесной благодатью. Звонарям будет радостно видеть, как лица прохожих очистятся от повседневной мелочных забот, станут просветленными, души – очистившимися от грехов, и в очах зажгутся божьи искры.

Последним со звонницы спускался звонарь в большой колокол, и ему казалось, что за ним упорно следует незнакомец, который не отпускал его до самой последней ступеньки лестницы. Однако он не мог обернуться и проверить свою догадку, боясь споткнуться, чтобы не пролить ни капли из чаши, наполненной до краев небесной благодатью, курящуюся голубым дымком.

Однако в этот день у звонаря в большой колокол все пошло наперекосяк. После того, как звонарей благословил священник, стали искать запропастившегося охранника, который куда-то ушел, и звонари начали нервничать, через пять минут должна была начаться служба, а они еще внизу, а не на звоннице. Через несколько минут томительного ожидания прибежал взопревший охранник, принесший ключ. Замок в этот раз почему-то заупрямился, не желая открываться, и звонарь в большой колокол содрал кожу на костяшках пальцев, пока его открывал. Потом был тяжелый забег по лестнице, счет шел на секунды, и звонари, запалённо дыша, вывалились на звонницу.

Звонарь в большой колокол, выскочив первым на помост, увидел на перилах, опоясывавших по периметру звонницу, журнал в желтой обложке и удивленно хмыкнул. Сюда, кроме звонарей никто не поднимался, и было странным, кто же здесь побывал и забыл эту журнал, который до сих пор не сдул ветер. Даже летом по звоннице гулял сильный ветер, а глубокой осенью порывы холодного ветра пробирали до костей. Журнал в желтой обложке манил звонаря к себе, и он услышал в ушах тихий шепот: «возьми и прочитай меня».

Повинуясь этому шепоту, звонарь сделал первый шаг к перилам. Время остановилось, когда он сделал второй шаг, третий, стал бесконечно долго протягивать руку к журналу и коснулся его пальцами. Журнал, до этого спокойно лежавший на перилах, неожиданно заскользил по ним, и звонарь потянулся за журналом и вновь до него дотронулся. Едва он второй раз

¹ Молога – город, располагавшийся при впадении реки [Мологи](#) в [Волгу](#) и затопленный [Рыбинским водохранилищем](#). В 1940-е годы территория города была окончательно затоплена

коснулся журнала, как тот, словно птица, вспорхнул над перилами и застыл в воздухе, а ветер стал быстро перебирать страницы, словно нетерпеливый читатель, торопящийся быстро его прочитать.

Звонарь попытался двумя руками ухватить журнал, но тот, словно дразня его, отлетел в сторону и продолжал парить в воздухе, а ветер по-прежнему перебирал его страницы. Он перегнулся над перилами и повторил попытку схватить журнал, однако журнальная книжка опять отлетела от него, а звонарь еще сильнее свесился над перилами, и журнал начал томительно долгий полет к земле. Звонарь почувствовал, как его ноги оторвались от помоста, еще миг, и он отправится вслед за журналом в гибельный полет к земле, чтобы там распластанной лягушкой улечься на брусчатку. Он хотел закричать, но ветер вбил в глотку его крик, хотел ухватиться за перила, но руки сорвались и бессильно болтались в воздухе. В такие критические моменты звонарю всегда казалось, что возможная смерть грозит не ему, а другому человеку, он просто наблюдатель, который через мгновение увидит, как ноги несчастного взлетят над перилами, а тело, кувыркаясь в воздухе, устремится в смертельный полет к земле.

Неожиданно звонарь почувствовал, как на него сзади кто-то навалился, почему-то он был уверен, это тот самый неизвестный в солдатской шапке-ушанке и шинели, что в последнее время появлялся за его спиной на звоннице, и между ними произошел странный диалог:

– Зачем тебе этот журнал?

– Чтобы узнать истину.

– Что за сокровенную истину ты ищешь?

– Как мне жить дальше.

– Все книги лживы, сокровенная истина есть только в одной, и она лежит внизу, на амвоне храма.

– Я не верю библии.

– Зря, вера – единственное, что спасает человека в трудную минуту, но так и быть, помогу тебе еще раз.

Замедлившееся во время разговора понеслось вскачь, и звонарь почувствовал, как сильные руки дернули его за ноги, и он сначала животом, а потом грудью проехал по перилам, и вдобавок подбородком стукнулся о них, прежде чем его тело кулем осело на помост звонницы. В последний миг, перед тем, как его сдернули с перил, он увидел, что сильный ветер, словно забавляясь, стал вырывать из журнала страницы, и они хороводом, как белые голуби, закружились вокруг него, а сам журнал начал неспешный полет к земле. Книги хорошо горят, но не погибают, подобно людям, падающим с высоты.

– Алекс, – и щеку звонаря обожгла сильная пощечина, которую отпустил рыжебородый звонарь, – ты – безмозглый осёл, в следующий раз, если захочешь выпасть со звонницы, сделай это без нас, уволь от такого неприятного зрелища.

Звонарь, чье имя только что произнесли вслух, поднял голову, губы рыжебородого звонаря продолжали двигаться и что-то говорить, но он не слышал, было понятно, что тот хочет сказать о его глупом поступке, и стал бесконечно долго подниматься на дрожавших от слабости ногах, а потом, сгорбившись, поплелся к большому колоколу. Когда он проходил мимо второго звонаря, тот не удержался и отпустил в его адрес шпильку:

– Вот до чего приводит глупая любовь к книгам. Хоть и говорят, что ученье свет, но по мне лучше подольше пожить и помереть неграмотным, чем лежать сломанной куклой под колокольной.

Этот звонарь книг не любил, и по его признанию, в юношеском возрасте прочитал всего одну книгу, сочиненную маркизом де Садам, – роман «Жюльетта» (маркиз, похотливый козел, заключенный за свои непотребства в самую знаменитую французскую тюрьму и в силу этого отлученный от прекрасного пола, изливал свои сексуальные фантазии на бумагу). Эту книгу ему посоветовал знакомый, распалив неокрепшее юношеское сознание любовными похождениями куртуазного восемнадцатого века. Что и говорить, успехи порока навсегда врезались в память второго звонаря. Повзрослев, он цитатами из этой книги сражал наповал дебелых рыночных торговков, слух которых никто не услаждал признаниями в любви в высоком штиле и никто не дарил им, несчастным, цветы порочного наслаждения.

После постельных утех с очередной торговкой, второй звонарь, любил усесться как турецкий падишах на ложе любви и милостиво позволял кормить себя вкусной домашней стряпней. При случае рыночные торговки дрались за него, а победительнице дружно завидовали, когда сладкоголосый ухажер-звонарь на время поселялся у неё.

Алекс отвязал веревку и стал раскачивать язык большого колокола. Язык колокола нехотя повиновался взмахам его рук и несколько раз долетал до края колокола, но никак не мог его коснуться. Он увеличил амплитуду колебаний, и язык, наконец, задел о край колокола, но звук получился смазанным, тусклым, и он бездарно провалил Благовест, торопливо отбил три удара, не выдерживая необходимые паузы для затухания звука. Сегодняшний звон ему не удался, благородные вибрации не насытили тело умиротворяющей радостью, и после окончания звона рыжий звонарь ему ворчливо отругал его, и в плохом настроении он ссыпался вниз по лестнице.

После колокольной Алекс хотел сразу пойти на трамвайную остановку, но его остановила высокая и худая молодая женщина, вся в сером одеянии, которая недавно прибилась к собору и побиралась на паперти. Ее почему-то звали на церковный лад Татиана, у неё в прошлом была какая-то горестная история, и Бог смилостивился над ней, позволив разуму покинуть ее, и теперь она скиталась, от одной церкви к другой.

– Возьми, – тихий голос был едва слышен, а в тонких перстах были страницы из злополучного журнала в желтой обложке. – Ты их искал и едва не убился, только не верь им, это не твоя история. Свою историю ты еще должен написать.

Оторопевший Алекс взял протянутые страницы, а Татиана, перекрестившись, пошла к собору. Ее скромная серая одежда было похоже на рубище горделивой королевы, которая, потерпев поражение, вслед за ним потеряла разум, но не стать и походку. Походка Татианы завораживала, а за взгляд огромных серо-голубых глаз можно было положить к ее ногам не только свою жизнь, но и честь и полмира в придачу. Однако для безумной королевы чья-то

жизнь, честь и полмира в придачу, – было никчемной мелочью, недостойной внимания, и она продолжила идти по жизни, неся свой нелегкий крест.

– Зачем ты мне их дала, – только и успел ей вслед оторопело пробормотать Алекс.

Татиана неожиданно остановилась, повернулась и внимательно посмотрела на него огромными серо-голубыми глазами. В них была такая любовь и сочувствие к нему, жалкому в своих мелочных проблемах, что Алекс мгновенно пожалел, что не встретил на своем жизненном пути эту женщину, верную, любящую, что боготворила бы его как отца своих детей.

– Журнал на кладбище, – Татиана поправила выбившийся из-под платка прядь светлых волос, – там и ищи. Только в журнале другая история. Я повторяю, напиши свою книгу. Уверена, у тебя получится.

Алекс недоуменно застыл столбом. Он ничего не понял из слов Татианы о другой истории и мучительно соображал, откуда этой безумной известно, что он пытается писать, поскольку никому об этом не рассказывал. В себя Алекса привел сигнал мобильного, означавший, что опаздывает на работу. Надо было спешить, но он решил разыскать этот злосчастный журнал, из-за которого чуть не упал с колокольни.

Он торопливо прошел на старое кладбище, примыкавшее к собору. Кладбище за то время, когда в стране радикально несколько раз менялась власть, было частично снесено и закатано в асфальт, и сейчас осталось с десятков могил, под которыми упокоились прежние настоятели собора. У нынешнего настоятеля собора руки еще не дошли до кладбища, и оно представляло собой убогое зрелище, заросшее высохшей травой, с покосившимися крестами и расколотыми гробницами.

Алекс не любил ходить по кладбищам, почему-то на погосте ему всегда казалось, что ищет и никак не может найти свою могилу. Потом он плохо спал по ночам, и каждый раз ему снился один и тот же сон в трех частях. В первой части он находил свою могилу, но вместо того, чтобы ей поклониться, попирали ногами. Во второй – начинал разрывать могилу, прекрасно осознавая, что кроме полусгнивших досок, тряпья, костей и черепа с отросшими и свалывшимися волосами в ней ничего не найдет, но упорно продолжал рыть дальше, пока истертые об глину пальцы не касались крышки гроба. В третьей части сна, поднатужившись, срывал крышку, и тяжелый смрад гниения с головой накрывал его, тошнота подкатывала к горлу, и он отшатывался от могилы.

В этот момент он всегда просыпался и вскакивал, весь мокрый, сердце кузнечным молотом бешено лупило по ребрам, и нестерпимо начинала болеть голова. Он вставал в поисках таблетки снотворного и стакана с холодным чаем. Мертвая луна заглядывала в окно, заливая комнату холодным серебристым светом, одеяло на постели было скомкано, наволочка подушки неприятно пахла потом, а простыня длинным светлым языком, напоминая петлю висельника, свешивалась на пол.

Алекс, вступив на осколок старого кладбища, и, забыв о журнале, стал бесцельно бродить по нему и читать сохранившиеся надписи, пытаясь разобрать причудливую вязь церковнославянских букв. Чем больше он разглядывал уцелевшие кресты и надгробия, тем больше у него крепла уверенность, что сумеет найти на этом старом кладбище свою давно утерянную могилу, и на следующем надгробии наверняка будет высечено именно его имя.

Ему вдруг показалось, что сейчас кто-то подбежит к нему со спины, ткнет по темечку, и он рассыплется на множество мелких ледяных кусочков, и тотчас ощутил, как обух топора убийца коснулся его темени. Алекс почему-то был уверен, это тот самый, в солдатской шапке-ушанке и шинели, который, теперь был уверен, решил занять его место в этой жизни. Черт возьми, его жизнь не такая сладкая, но так было жалко её до слез, глупую и никчемную, но одну единственную и неповторимую. Обух с треском стал проламывать кости свода черепа, он хотел закричать, чтобы оповестить равнодушный мир, что уходит из него, может, хоть кто-то и всплакнет о нём, пока еще живом, и мутнеющим взглядом увидел, какое счастье, к нему неожиданно пришло спасение, среди ржавой прошлогодней травы валялась желтая книжка со звонницы.

За спиной обиженно засопели, послышался звук шагов, он осмелился обернуться, чтобы мельком увидеть удаляющуюся понурую фигуру в солдатской шинели и шапке, с топором в опущенной руке. Он облегченно вздохнул, ему повезло, дыхание смерти только опалило его, но не сожгло, поднял книжку и стер грязь с обложки. Это оказался журнал «Край городов»², перевернул страницу и прочитал название повести «Долгая дорога»³. Он умел читать книги по диагонали и ухватывать их смысл, хотя и теряя детали повествования, которые потом восполнял, читая книгу повторно.

Пролистав журнал, Алекс на мгновение задумался, вспомнив странный диалог, который то – ли приключился, то – ли почудился ему, когда балансировал на перилах звонницы. Странная книжка лежала на перилах, совсем небожественная повесть, и не было в ней той истины, которую он искал, это был грустный детектив о долгой дороге, которая никогда не приведет к храму. У Алекса была такая особенность, когда, прочитав какое-нибудь произведение, любил сочинять продолжение к ним и обязательно включал себя в новые сюжетные линии. Здесь же сразу почувствовал, что у него ничего не получится, клеймо «зечки» навсегда прилипло к главной героине повести, со временем её фигура потеряла девичью стройность, погрузнела и оплыла, черты лица огрубели, и она к месту и не к месту смеялась неприятным лающим смехом. Алекс как наяву представил, что случайно встретился с ней, когда она, родив непонятно от кого дочку, попыталась подработать на панели. Она пристала к нему на улице и пьяным голосом предложила: «мужчина, не хотите отдохнуть?», и зашлась неприятным смехом. Алекс, ничего не говоря, только ускорил шаг и обернулся, когда отошел почти на квартал. Ему навсегда врезалась в память фигура одинокой женщины под фонарем. Хорошенькая девушка с непростой судьбой исчезла, оставшись только на страницах повести. Больше не стоило её жалеть и сочинять продолжение повести.

Если кого и следовало пожалеть, так это христианство, время её могущества и безоговорочного диктата осталось в прошлом, и теперь на территории церкви можно было встретить совсем небожественные книги, в том числе и детективы. Ведь если разобраться, детективы – это игры дьявола с людьми, которых искушает Люцифер. Он положил журнал на разбитое надгробие, сквозь которое пробивались острые пики высохшей травы.

Non ego. Ego non revertetur⁴.

² петербургский литературный журнал

³ «Долгая дорога» – детективная повесть, напечатанная в журнале «Край городов», №89 за 2015 г., в настоящее время издана как электронная книга, ISBN 978-5-4474-6288-8

⁴ Non ego. Ego non revertetur лат. – не я брал, не я буду возвращать

1.2

Арон

– Арон, ты встал? – раздался из спальни сонный голос жены.

Тот, кого называли Ароном, стоял на площадке третьего этажа, опершись на дубовые перила, натертые воском. Повернув голову в сторону спальни, Арон произнес:

– Да, но не беспокойся, можешь еще поспать. Я сам приготовлю себе завтрак.

Арон вернулся к созерцанию огромной люстры, крепившейся к потолку третьего этажа и спускавшейся вниз, в колодец лестницы. Люстра была в стиле сталинский ампир, изготовлена в конце сороковых годов двадцатого века и когда-то украшала дворец культуры сталелитейного завода, размерами два на два метра, с восемью тысячами хрустальных нитей, четырьмя тысячами хрустальных подвесок, выплавленная из латуни и украшенная листьями и выпуклыми золочеными полудугами.

Дворец культуры после закрытия завода стал никому не нужен, был брошен и потихоньку разграблен, и Лара, его жена, приобрела за бесценок эту уникальную люстру. Иногда Арону казалось, что именно под эту люстру и был построен особняк, в котором он жил вместе с женой и дочерью. Это чудо сталинского ампира требовало большого помещения и высоких потолков, однако он категорически отказался строить огромный зал, наподобие такого, где висела эта люстра. Тогда архитектор, проектировавший его особняк, предложил компромиссное решение, и теперь люстра висела в колодце, образованного лестницами с третьего по первый этаж. Когда люстра зажигалась, свет её двух сотен лампочек ослеплял глаза и оттенял благородство дубовой лестницы. Поэтому люстру зажигали редко, в особо торжественных случаях, по вечерам пользовались светильниками, расположенными на стенах. Он всегда вспоминал ответ жены на свой недоуменный вопрос, зачем она приобрела люстру: чтобы восхищаться! Лара оказалась права, он всегда любовался люстрой, её хрустальными нитями и подвесками.

Арон закрыл глаза, и ему вспомнился сегодняшней сон, как он медленно выходил из спальни к лестнице, взбирался на перила и, раскинув руки в стороны, прыгал вниз, с третьего этажа на первый этаж. Падающее тело насквозь пронизывало люстру, одна за другой разбивались и гасли лампочки, и с потревоженной люстры вслед за ним начинали осыпаться хрустальные подвески, с дробным стуком падающие на пол. В медленно-плавном полете тело несколько раз переворачивалось и падало на спину, и мохнатый ковер принимал в свои теплые объятия. От сильного удара он терял сознание, но его тело продолжало рефлекторно дергаться, когда в спину вонзались осколки разбившихся хрустальных подвесок. Напоследок, словно уколом мизерикордия⁵, в шею входил самый крупный осколок, и наступала блаженная тьма. Все, отмучился, теперь можно спокойно лежать и ждать, когда кадавра обмоют, оденут, уложат в лакированный палисандровый гроб с бронзовыми ручками и предадут земле под прочувственно-лживые речи якобы близких друзей, озабоченно размышляющих, как отжать у безутешной вдовушки его успешное дело.

Арон открыл глаза, он по-прежнему стоял на площадке третьего этажа, и еще раз закрыв глаза, вновь пережил упоительный миг падения во сне на пол холла.

⁵ [англ.](#) misericorde – милосердие, кинжал, род стилета

Первый, второй, третий.

После третьего падения Арон вспомнил, что в последней части сна в холле первого этажа появлялся некто, в солдатской шинели и шапке-ушанке и пристально смотрел на него, лежавшего в позе витрувианского человека, раскинувшего руки и ноги и оплывающего кровью от бесчисленных порезов. Этот незнакомец, перед тем, как он потерял сознание, неожиданно спросил, впрочем, не требуя ответа:

– Ты устал от этого богатства и хочешь от него уйти?

Что за глупый вопрос, как это отказаться от дела, на которое положил, чуть ли не десяток лет жизни. Арон усмехнулся, приснится же всякая ерунда, тряхнул головой и обнаружил себя в холле первого этажа, где оделся и вышел на крыльцо.

С небес тут же обрушился колокольный звон, подхватил и на мгновение перенес в далекое детство, когда летом, после теплого дождя, босиком бегал по лужам и громко кричал во все горло: «Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал. Он проснулся, перевернулся, три копейки потерял».

День сегодня обещал быть хорошим, на высоком голубом небе ни облачка, холодное октябрьское солнце упрямо карабкалось на небо, а пронзительно-холодный воздух был пропитан горечью палой листвы. На губах Арона появилась мечтательная улыбка, он потянулся, вдохнул полной грудью свежий воздух и трусцой пробежался к пристройке с крытым плавательным бассейном. Каждое утро он плескался в прохладной воде бассейна около тридцати минут. Пока Арон плавал кролем в голубой воде бассейна, от стенки до стенки, наматывая обязательные три километра, можно сказать несколько слов об особняке, где он жил с семьей.

Улица, на которой стоял дом Арона, была примечательна тем, что на ней селились самые богатые люди в городе. Высоченные кирпичные заборы пытались спрятать от посторонних глаз их особняки, но все равно были видны их верхние этажи и крыши. Дом Арона не было видно с улицы, и это было достигнуто следующим образом. Земельный участок был окружен решетчатым забором, очень скромным по сравнению с другими заборами на этой улице. За ним были высажены высокие и густые вечнозеленые кустарники, за которыми прятался другой забор, окружавший его дом. Поэтому с улицы ничего не было видно, и создавалось обманчивое впечатление пустого участка, засаженного кустарником.

На такие расходы по строительству двух заборов он пошел из прагматических соображений, чтобы не возбуждать праздное любопытство незваных гостей, которые могли нанести неожиданный визит с недобрыми намерениями. Вдобавок перед строительством прошел ряд ограблений соседей, некоторые из них имели кровавые развязки в виде хладных трупов не только охранников, но и их хозяев с детьми. Милиции, как ни странно, удалось найти преступников, которых отправили на долгие годы за решетку, но никто не научился оживлять покойников, которые теперь получили вечную прописку на городском кладбище, и в зависимости от занимаемого положения, под скромным или богатым надгробием.

Поэтому, – два забора, электронные охранные системы вкуче с охранниками, еще и милые собачки, которые не лаяли, а предпочитали сразу рвать на части любого, кто попытался перелезть через заборы. Сам особняк был выстроен в стиле харьковский конструктивизм (харьковский конструктивизм – архитектурный стиль застройки г. Харькова в 30-е годы

20 века), в виде трех больших кубика-переростка и одной стеклянной полусферы, в ней был расположен зимний сад. Гараж и бассейн были построены отдельно, к ним вел крытый переход из дома, но Арон предпочитал ходить в бассейн через двор, чтобы подышать свежим воздухом.

Арон никогда не принимал гостей в доме, слуги не в счет, поэтому никто не знал главных достопримечательностей внутреннего убранства его кубиков. Если бы кому-то случайно посчастливилось побывать в особняке, он бы попал только на первый этаж, и после, пожав плечами, мог сказать, что ничего особенного, функциональный хай-тек, стекло, металл, однотонная мягкая мебель, стулья из прозрачного пластика, в палитре преобладают холодные серые и голубые тона. Такого хай-тека предостаточно в соседних особняках, но был бы ошарашен, если бы его допустили на второй этаж. Чудеса начинались на втором этаже.

Но начнем по порядку. Его жена, полутатарочка, была из простой семьи, отец, инженер с того сталелитейного завода, откуда у них появилась люстра в стиле сталинский ампир, утонул во время командировки, когда Лара была еще девочкой. Мать, медсестра, выбивалась из сил, но старалась ради дочери, и добросовестно тянула лямку её обучения на историческом факультете местного педвуза, поэтому, когда они познакомились, девушка одета была очень скромно. Лара с первых минут обаяла его своими раскосенькими глазками, в которых было любопытство и неуверенность в себе домашней девочки, вырвавшейся на свободу из-под строгой материнской опеки. Она была среднего росточка, тоненькая, смугленькая, с густой копной длинных черных волос. Он быстро приучил ее к себе, начав с беспроигрышной покупки дорогих и модных женских тряпок и обуви. Теперь Лара сама покупала не только себе, но и дочери, одежду и обувь в магазинах Парижа или Милана.

Поэтому, когда особняк был еще в проекте, она твердо заявила ему, что хочет один этаж отделать в стиле Древнего Рима. Причиной такого желания была её влюбленность в историю Древнего Рима, а когда Лара впервые побывала в Италии и увидела воочию эти блистательные развалины, которые и спустя тысячелетие до сих пор поражают воображение, твердо решила воссоздать обстановку римской виллы на одном из этажей особняка. Он пожал плечами, а потом стоически оплачивал счета, но результат превзошел все ожидания.

Все эти портики, полуразрушенные колонны, барельефы с цветочным орнаментом, мраморные скамейки, вазы с цветами, мозаики, статуи богов и бюсты героев, – поражали воображение. Дизайнер, оформлявший «римскую» часть дома, умудрился еще устроить лабиринт, состоявший из нескольких залов, камер и переходов, расположенных по столь сложному и запутанному плану, что по нему можно было бродить часами, то выходя в зимний сад, то вновь возвращаясь в лабиринт. Даже в лютый зимний день здесь всегда царила атмосфера осени, настраивая на элегический лад. В редкие свободные минуты он любил полежать на скамейке в одном из залов, созерцая бюсты древнеримских героев. Вика, его дочь, когда была маленькой, любила здесь играть, и множество кукол, изготовленных вручную, можно было до сих пор найти в самых неожиданных местах. Сейчас дочь повзрослела, вытянулась, переросла мать и догоняла его. Дочь взяла от матери смуглую кожу и черные вьющиеся волосы, от него – серо-голубые, в минуты гнева – полыхающие расплавленной сталью глаза. У нее была хорошенькая фигурка, возле её фотографии на доске почета в школе всегда была толпа поклонников, на которых не обращала совершенно никакого внимания. Все свободное время дочь читала, читала и читала, однако при этом умудрялась успешно учиться и заниматься балльными танцами. Своего партнера по танцам – высокого блондина Костю – она, не прикладывая никаких усилий, успешно обратила в рабство, и он тенью следовал за Викой и был в курсе её интересов. Дочь относилась к Косте как к подружке, с ним делилась прочитанными книгами,

которые заставляла его обязательно прочитать. Летние поездки с матерью в Италию пробудили у Вики интерес к римским писателям, и сейчас она зачитывалась Метаморфозами Апулея. Соответственно, Костя то же читал Апулея.

Со второго этажа можно было попасть в зимний сад. Когда Арон впервые увидел свой зимний сад, он вздрогнул, сад напомнил ему описание оранжереи чандлеровского генерала Стернвуда, живого покойника, который мог существовать в чудовищной жаре. В саду цвели орхидеи, филодендроны, афеландры, бромелиевые с белыми прожилками на огромных листьях, особенно поражали губы Хукера, ярко красные, словно раскрытые для поцелуя губы безвкусной кокотки, а уж цветы пассифлоры, кавалерской звезды, были подобны аляповатым орденам на мундире туземного царька, что недавно слез с дерева, нацепил клоунский мундир с генеральскими звездами и увешал себя наградами с головы до ног. Жена поселила в оранжерею таких же красочных попугаев, чьи резкие крики, похожие на кошачье мяуканье, добавляли экзотики этому месту. Он долго не мог находиться в душной и жаркой атмосфере зимнего сада. Арон надеялся, что избежит судьбы генерала Стернвуда, и его дочь, когда вырастет, будет пайнкой и не совершит таких глупостей, как Кармен, младшая дочь генерала.

Третий этаж был оформлен в стиле ампир. На потолках – древнеримские фрески, стены затянуты серо-голубым шелком, колонны и в проемах комнат – античные бюсты, куда уж без них, мебель из красного дерева, в спальне – массивная кровать с высоким изголовьем, с орнаментом на изящных ножках под балдахинами со свисающими золотистыми пышными кисточками и позолота, позолота, она ослепляла глаза, а оружие, развешанное по стенам! Все призывало Арона на новые подвиги, вперед, в бой, мой герой, военные трубы поют тебе осанну, трам-пам-пам, туруру-ру, враг был разбит, бежал с поля боя, теряя свое снаряжение, и оно в качестве трофеев развешано по стенам.

Кому-то могло показаться жуткой эклектикой оформление этажей в разных стилях, но Арон отдавал должное жене, которая оказалась тонким психологом. Первый этаж – подготовка к служению бизнесу, что у современного человека заменяло служению богу в средние века, второй этаж – релаксация, а третий этаж – нацеливал на победу, и по ночам нашептывал: только вперед, враг будет повержен и разбит.

После плавания Арон с удовольствием посмотрел в большом зеркале на свою фигуру, по-прежнему подтянутую и спортивную, нравящуюся женщинам. У него были широкие плечи, крепкие руки, накаченные ноги. Подводил только живот, поэтому надо почаще посещать тренажерный зал. Капелька тщеславия по утрам не повредит, а настроит на свершение новых подвигов во имя дела его жизни – деньги и еще раз деньги.

Потом был завтрак. Арон хотел сам что-нибудь приготовить на скорую руку, но завтрак подала жена, которая героически превозмогла утреннюю лень и накрыла на стол. За время завтрака он перекинулся несколькими ничего не значащими фразами с ней. Все темы разговоров были давно заезжены: дочь, ее взросление и учеба, опять закончились деньги на кредитных карточках жены, а она собирается на зимних каникулах поехать с дочерью в Лондон.

К сорока трем годам Лара подурнела, погрузнела, наела живот и бока и в настоящее время вела безуспешную борьбу с приближающейся старостью. В один прекрасный момент Арон обнаружил, что ему абсолютно не о чем говорить с женой. Каждый из них стал жить своей жизнью, их теперь соединяла общая кровать, где у каждого была своя половина, у него дальняя, у нее ближняя, и только изредка они встречались посередине, где он уныло исполнял супруже-

ский долг, и редкие посиделки за завтраком. Арон обедал на работе, после работы заезжал в спортзал, потом ужинал в кафе, встречался с друзьями, бывало и с подругами, и домой возвращался поздно. Лара в это время уже спала. Арона такая жизнь устраивала, жена молчала и не устраивала ссор, что ему очень нравилось.

В последнее время жена стала яркой поклонницей здорового питания. Поэтому завтрак состоял из тарелки льняной каши, сверху на нее были искусно выложены мелко порезанные кусочки банана, яблока и клубники, стакана красного чая без сахара с пластинкой лимона в серебряном подстаканнике и овечьего сыра трех сортов, красиво выложенного на старинной тарелке из саксонского фарфора. Арон бы предпочел на завтрак что-нибудь поосновательнее, например, кусок мяса, но предпочитал не спорить с женой. Зато обед будет очень сытным.

Жена пыталась приучить его пить по утрам свежесжатые соки, но Арон, который был неприхотлив в еде, категорически отказался от соков и настоял, чтобы ему не мешали по утрам пить черный чай из граненого стакана в серебряном подстаканнике. Тогда упрямая Лара попыталась привить ему вкус к Гунфу-Ча⁶, из Китая выписала необходимые приспособления и посуду, но Арон из вежливости несколько раз поучаствовал в такой церемонии, а потом вернулся к граненому стакану в серебряном подстаканнике. Его жена каждый раз презрительно поджимала губы, когда он пил чай из граненого стакана, называла это кичем, и советовала дочери не следовать совковым замашкам отца.

Арон никогда не рассказывал жене, что в бытность студентом, ему пришлось ехать в поезде, отдав последние деньги за билет, а ехать надо было трое суток. От голодного обморока Арона спас полупьяненький сосед по вагону, который сначала до изумления напоил его самогоном и накормил жирной домашней курочкой, а потом всю оставшуюся дорогу отпаивал вагонным чаем в подстаканниках. На всю жизнь запомнил Арон слова случайного попутчика и его корявый обрубок указательного пальца, который он стучал по подстаканнику и приговаривал: «запомни, сынок, чай надо пить обязательно из стакана с подстаканником. Так он вкуснее!». На вешалке соседа болтался синий форменный пиджак с железнодорожными петлицами.

В вагоне чай подавали в мельхиоровых подстаканниках, и когда Арон разбогател, первый делом купил серебряный подстаканник и нашел на барахолке граненый стакан. Прошло много лет с той случайной встречи в вагоне, и он убедился в истине, высказанной полупьяным вагонным попутчиком, что чай в граненом стакане с подстаканником значительно вкуснее, чем в хваленых китайских чашках для чая.

После завтрака Арона ждала огромная меркава – джип лакшери-класса, с большими фарами, хищной решеткой радиатора с затейливой эмблемой, сверкающий полированными черными боками, ребристыми широкими шинами и кожаным салоном благородного цвета слоновьей кости. Во время завтрака он с пульта включил и прогрел двигатель и салон автомобиля, и ему осталось только сесть в машину, открыть кованые ворота и выехать на дорогу. На меркаве он ездил на работу.

⁶ Гунфу-Ча – китайская чайная церемония

1.3

Алекс. Поездка в трамвае

Алекс торопился на трамвайную остановку, которая была недалеко от собора. Задержка на старом кладбище могла привести к опозданию на работу, поэтому он припустил бегом, чтобы наверстать упущенное время. Недавно он потерял место работы заведующего складом канцелярских товаров и с большим трудом сумел устроиться грузчиком в соседний логистический центр, поэтому не хотел, чтобы его уволили с этого места работы. Устроиться на работу в этот центр было большой удачей, здесь неплохо и регулярно платили, но хозяева принимали на работу только молодых, а он, по их понятиям, был слишком старым, недавно ему исполнилось сорок пять лет. Устроиться на эту работу помогло случайное знакомство с одним из сотрудников этого центра.

Ему повезло. Они встретились на остановке, Алекс и красный трамвайный вагон одиннадцатого маршрута. Он влетел в вагон и сразу же занял пустое сиденье. Ехать было долго, сорок минут. У трамвая одиннадцатого маршрута был извилистый путь, пролежавший по окраинам города, который привозил его прямо на остановку под названием «Агдамская», и до места работы было рукой подать. Этот маршрут трамвая он выбрал после того, как попробовал проехать на работу после собора через центр города, и понял, что неспешное постукивание трамвайных колес на стыках рельс лучше стремительного лавирования маршрутных такси среди плотного стада автомобилей. При этом маршрутки приходилось долго ждать, а потом ввинчиваться в её нутро, тесно набитое людьми.

Разница во времени движения через окраины и через центр города составляла около десяти минут, и поэтому Алекс предпочел трамвай, в нем не было толчеи и суеты центральных улиц. В это время в трамвае ездили одни пенсионеры, спешившие на оптовые рынки, где с выгодой в несколько рублей можно было купить продукты и редкие школьники, уже безнадежно опоздавшие в школу. Изредка в трамвае попадались молодые мамы с капризными детьми, которые в вагоне почему-то начинали громко плакать и кричать, мешая ему насладиться возможностью спокойно подремать по пути на работу.

Сегодня ему досталось чистое ярко-зеленое сиденье, еще не испещренное надписями в признаниях в любви неизвестным дашам и машам или эмоционально информирующее, что неведомый роман просто невоспитанный козел. Алекс вытянул длинные ноги, носки его зимних ботинок высунулись в проход, но он не обратил на это внимание, кому надо, тот обойдет или перешагнет, а если кому не повезет, споткнется и упадет. Он натянул на глаза край вязаной шапочки и закрыл глаза.

Зашедший в трамвай на следующей остановке школяр, уцепившийся за поручень соседнего сиденья, увидел долгоязого мужчину в высоких шнурованных ботинках темно-коричневого цвета, черных джинсах, что складками напозлали на ботинки, темно-синей теплой куртке и черной вязаной шапочке на голове. По внешнему виду это был обычный трудяга, похожий на его отца, работающего на стройке. Разница была в том, что папаня любил выпить после работы, как говорил «с устатку», от этого его лицо всегда было отечным с мутными глазами, а у этого слишком умное лицо, как у завуча в школе. Ух, ненавижу завуча, сколько крови попил, все придирается, нюхает, ну и что, если курить начал со второго класса, а выпивать стал с пятого; папаня сам на праздники ему пивка наливает. Ненависть к завучу передалась и к этому незнакомцу. Гад, выставил длинные ноги в проход, того и гляди, споткнешься; только не стукнуть по ним, чтобы убрал, слишком крепким был этот незнакомец, мог и по шее

дать. Школяр, хоть и пыжился, и в потаенных мечтах был крепышом с большими бицепсами, а на самом деле был мелок, щеделушен и слаб против этого незнакомца, оттого и остро возненавидел этого мужика, которого побоялся исподтишка ударить по ботинкам.

Алекс добирал крохи сна перед работой, за время постоянных поездок он точно установил, когда ему просыпаться и выходить на остановке, чтобы потом легкой трусцой добираться до места работы.

Трамвай, ноев ковчег на стальных колесах, выписывал сложные эволюции, подчиняясь рельсовому пути, проложенному по городским улицам еще в тридцатые годы двадцатого столетия, и вёз Алекса до остановки под неофициальным названием «Агдамская». Название остановки объяснялось просто. Здесь когда-то был расположен винцех, из Азербайджана привозили в цистернах виноматериал и разливали его по бутылкам с этикетками портвейна «Агдам» (портвейн «Агдам» – легенда позднего советского времени, азербайджанское вино виноградное специальное крепленое белое, 19% спирта). В те далекие годы на остановке по утрам собирались страждущие опохмелиться, и мужики, как мухи, облепляли забор винцеха, совали в щели денежку и получали заветную выпивку. Опохмеляться ходили за угол, на пустырь. Милиция тщетно гоняла страдающих абстинентным синдромом. Забористый вкус портвейна так запал в народную память, что официальное название остановки было напрочь забыто, и ее, иначе как «Агдамская», никто не называл, хоть уже и не возили из Азербайджана цистерны с виноматериалом, винцех приказал долго жить, а дешевый портвейн «Агдам» неожиданно приобрел коллекционную ценность у любителей советской старины.

Во время поездок Алексу обычно ничего не снилось, но сегодня ему неожиданно приснился дом, в котором он жил с семьей. Это был старое четырехэтажное здание, постройки двадцатых годов прошлого века. Дом был построен в конструктивистском стиле, имел форму буквы «Г», и на стыке двух крыльев здания, была устроена башенка, где располагалась одна единственная коммунальная квартира в доме.

Дом стоял на пересечении двух улиц, подъезды дома были сквозными, и лестницы в них были деревянными с разохшимися ступенями. Половицы лестниц подозрительно скрипели под ногами. Того и жди, как в один неудачный день нога поднимающегося по лестнице могла слишком сильно надавить на такую половицу, и та, громко жалуясь и причитая о своей нелегкой судьбе, разламывалась на две части, и нога провалилась бы в образовавшуюся дыру. Счастье поднимающегося по лестнице, если бы он отделался легким испугом и царапинами, а мог и ногу сломать.

Стены подъездов были влажные, штукатурка отслаивалась, обнажая дранку, а на подоконниках окон подъездов, забранных в частые переплеты, скопилась вековая пыль, которую никогда не вытирались, поэтому даже в солнечные дни в подъездах было сумрачно.

В квартире, расположенной в башенке дома, жил Алекс, с женой Лерой и дочерью Никой. Его семья занимала две комнаты, а третью комнату занимала полубезумная старуха. Общими были коридор, кухня и ванная с туалетом. Алекс думал, что коммунальные квартиры уже давно и прочно забыты, однако, как оказалось, коммуналки продолжали здравствовать, как продолжала здравствовать его соседка по этой квартире.

Когда он увидел свою соседку – высокую старуху с прямой спиной, с подведенными густыми коричневыми тенями глазами, с густо намазанными белилами щеками, с ярко-крас-

ным бантиком губ на сморщенном лице, – его первой мыслью было, – покойница в гробу была так прекрасна, зачем она встала из него?!

Старуха хорошо поставленным актерским голосом в басовом регистре представилась как Горжетта Конкордьевна, из дворянского рода, что служила актрисой в столичных и провинциальных театрах. По её словам, она переиграла на сцене со многими известными актерами тридцатых – сороковых годов, чьи имена были в титрах самых известных фильмов того времени. Когда Алекс встречался с ней на кухне, Г.К. (так для удобства он сократил её имя), рассказывала пикантные истории из актерской жизни. Это был нескончаемый монолог, в который невозможно было вставить и слово, и он делал вид, что вежливо слушал старушечью болтовню.

На старуху можно было не обращать внимания и терпеть как неизбежное зло, если бы её одна неприятная особенность. Г.К. перепутала день с ночью и, выспавшись днем, по ночам бодрствовала, и едва семья Алекса отходила ко сну, начинала шастать по углам, вслед за ней скрипели и хлопали двери по всей квартире. Апофеозом ночных бдений были встречи Г.К. воображаемых гостей у входной двери, и на пороге она начинала вести с ними светские беседы на два голоса, задавая вопросы громким басом и отвечая на них жеманным девичьим голоском.

Просыпалась и начинала плакать дочь. Ей рано утром надо было идти в школу, а от бабушкиных ночных концертов она не высыпалась, и у неё целый день болела голова.

Всклобоченная жена выскакивала в коридор и начинала ругаться с Г.К., а та, нимало не смущаясь, горько сетовала своим воображаемым гостям на неблагодарных соседей, которые не позволяют их принимать и поэтому вынуждена была с ними прощаться. Разъяренная жена выплескивала негативные эмоции на него, что не может утихомирить полоумную соседку. Он вяло отругивался, не зная, как поступить с старухой и иногда после очередного скандала воображал из себя Родиона Раскольникова, что с неопишным блаженством тюкает старуху-процентщицу, тьфу, соседскую старушку, обушком топора в темечко. Однако шутки шутками, но с соседкой надо было как-то бороться.

Алекс обратился в психоневрологический диспансер, и после скандала с врачами, которые не хотели госпитализировать соседку, ее удалось определить на лечение. Отсутствие соседки в квартире было подобно глотку свежего воздуха, тишина, покой, по ночам можно крепко спать и не бояться прихода воображаемых гостей. Однако в один прекрасный момент в темной перспективе коридора нарисовалась странная личность мужеска полу, лет шестидесяти, с седым венчиком на голове, взглядом младенца и одетым в старенький клетчатый костюм с портфелем в руках.

Алекс удивленно воззрился на него и, несмотря на свою интеллигентность и воспитание, (их, как в укор во время конфликтов, предьявляла ему жена), неприязненно просил, кто он такой и что здесь делает. Ответ мужчины в клетчатом костюме был прост и незатейлив, как кирзовый солдатский сапог. Он – племянник Клавдеи Григорьевны. Кто это такая, недоуменно подумал Алекс, но продолжил угрюмо слушать клетчатого младенца шестидесяти лет.

Пока старушка в больнице готовится предстать пред богом, – тут неожиданный племянничек постарался придать своему сморщенному личику скорбное выражение, и, он, чтобы коматушечка (так и сказал, вместо «комнатушечка» – «коматушечка») не пропала и не досталась лихим людям, к которым новоявленный наследничек a priori⁷ причислил Алекса, на что

⁷ a priori лат. [предвзято](#)

намекнул его неприязненный взгляд, который он бросил на него, поэтому поживет здесь до принятия наследства.

Услышал слова свежее испеченного родственничка, Алекс застыл, как соляной столб. До него с трудом дошло, что дворянка с прекрасным и возвышенным именем, которое можно было читать на манер латинского гексаметра с цезурами, неожиданно превратилась в серую мышку с полузабыто-простонародным произношением имени «Клавдея». Так низко упасть, из дворянки да в простолюдинки, эх, Клавдея, не свет да Григорьевна! Однако за два года, что они здесь жили, старушку никто не посещал и в родственники не набивался. Странно как-то. Между тем неожиданный наследник, пока Алекс успешно изображал из себя соляной столб, изящно прошмыгнул мимо него, обдав сложной смесью запахов собачьей шерсти, немытого тела, поверх которых был щедро разлит запах дешевого одеколona, и устремился вглубь квартиры.

Однако вместо того, чтобы напрямик проследовать в комнату старушки, вот-вот готовой, по словам предприимчивого наследника, предстать перед всевышним, он сначала бестолково ткнулся в туалет, потом открыл дверь в его комнаты, и оттуда, как разъяренная фурия, выскочила Лера, что явно подслушивала, стоя у двери.

Его жена, выпятив вперед небольшую грудь, которую всегда, по случаю начала военных действий, успешно использовала как жерла орудий большого калибра, наводя их на противника и повергая его в шок и трепет, окатила незваного гостя ледяным взглядом. Это была первая фаза военных действий, которую предпринимала жена, второй фазой был долгий визгливый крик, который, как острый коготь, впивался в голову противника, парализуя его волю к сопротивлению.

Свои способности к военным действиям Лера успешно отточила на Алексее. Он, едва супруга приступала к первой фазе объявления военных действий, тут же пугался и начинал покаянно и униженно вилять хвостом, а при переходе ко второй фазе просто сбегал, и терпеливо ждал, когда иссякнет боевой пыл супруги, поэтому поле битвы всегда оставалось за ней. Однако гость оказался покрепче, но и он смешался и сдал назад, и так, задом, задом, наследник стал пятиться к кухне, промахнувшись мимо двери бабкиной комнаты.

Большой ошибкой незваного гостя был вопрос, обращенный к Алексу, не знает ли он, где ключи от комнаты старушки. Алекс, хоть и с трудом, смог сложить три плюс два, когда ключей от бабкиной комнаты было трое, один ключ был у старушки, другой висел на гвоздике в прихожей, третий у него, ключей от входных дверей было двое, один у бабки, второй у него. Ключи были на одном кольце, и, отдавая неожиданному родственничку один ключ, старушка должна была отдать и второй, болтающийся на одном кольце, ведь новоявленный наследник сам вошел в квартиру.

Алекс встрепенулся, сумел разбить соляную корку и зажал незнакомца в угол между кухней и бабкиной комнатой, где на вешалке висели ее древние салоны. Незнакомец задушено пискнул, когда Алекс изобразил зверскую морду, что легко ему удавалось, если неделю был небрит и задушевно, как слова песни, пропел: «уд-давлю, с-с-сука, бабушку любимую, тварь, почто убил?».

Эффект от его слов оказался потрясающим, к трем составным частям запаха своего тела незнакомец добавил четвертый, вонь от внезапного опорожненного содержимого кишечника.

Алекса чуть не стошнило, он схватил незнакомца за лацканы пиджака и так тряхнул, что лацканы с треском отделились от пиджака и остались в его руках, а незадачливый наследничек кулем свалился на пол, заскулил, как побитая собачонка и заерзал по полу, попытавшись убежать от него на четвереньках.

Алекс, развивая неожиданный успех, набросился, как овчарка, на него сверху и быстро, откуда только полицейская сноровка взялась, обшарил карманы незнакомца. В карманах он обнаружил: справку об освобождении из мест лишения свободы, выписной эпикриз из местного психоневрологического диспансера, две смятых купюры по пятьдесят рублей, желтую цепочку с затейливым кулончиком в хлебных крошках. Похожую цепочку с кулончиком носила якобы дворянских кровей незабвенная Конкордия Горжеттовна, тьфу, простонародная Клавдия Григорьевна, что дало Алексу возможность, гипнотизируя взглядом превратившегося чуть ли не в мышь незнакомца, свистящим шепотом протянуть: «точно убил старушку, ссука...».

От его свистящего шепота незнакомец с низкого старта неожиданно рванул к двери, стукнулся об нее лбом, дверь с протяжным скрипом широко распахнулась, в проеме двери мелькнул зад незнакомца, и грохот по ступенькам возвестил, что незнакомец неблагоприятно произвел спуск по лестнице, следуя нехитрому принципу «голова-ноги, голова-ноги».

Сзади послышался истерический смех, Алекс повернулся и увидел, как Ника, его дочь, сползала по стеночке вниз и, сидя на полу, стала раскачиваться и сквозь приступы смеха в изнеможении приговаривала:

– Ой, папа, папа, я не могу, зачем ты так старичка напугал! Мне самой стало страшно! Беденький, он же разбился, ступеньки такие крутые!

Жена, стоявшая рядом с дочерью, то же тряслась от беззвучного смеха. Алекс поклонился, как актер на сцене, сыгравший особенно трудный эпизод роли, а потом, брезгливо, двумя пальцами, поднял брошенный портфель и, едва открыв его, скривился. Там лежало вонючее скомканное белье, которое владельцем, наверное, никогда ее стиралось. Он бросил в портфель все бумажки и деньги, изъятые им у незнакомца, цепочку с кулончиком, оборванные лацканы пиджака и спустился по лестнице, чтобы вынести портфель на улицу. По пути он сокрушенно покачал головой, незнакомец сумел-таки сломать одну ступеньку. Он поставил портфель у двери подъезда, а затем в сарае нашел доску, которую кое-как сумел прибить взамен поломанной. Получилось не очень удачно, но лучше, чем со страхом ходить по сломанной ступеньке.

Сон Алекса был неожиданно прерван, трамвай дернулся и стал резко тормозить, а потом остановился. Алекс чуть не слетел с пластикового сидения, а стоявший рядом школяр едва не упал на пол, но его успели подхватить другие пассажиры, которые стали возмущаться и кричать на водителя обычные в таких случаях слова «полегче, не дрова везешь». Водитель стал оправдываться, что какой-то олух на старом рыдване решил проскочить перед ним на красный свет светофора, поэтому он вынужден был затормозить, а этот олух едва не врезался в огромный джип, но успел объехать его и тут удача отвернулась от него, поскольку влетел прямо в столб.

Алекс увидел на противоположной стороне дороги старый автомобильчик, чей передок смялся в гармошку, не выдержав грубого соприкосновения с бездушным бетонным столбом с раздвоенными, наподобие языка змеи, светильниками наверху. Наискосок от трамвая, пере-

городив дорогу, застыл огромный черный шарабан, едва не уткнувшийся в него огромным капотом.

1.4

Арон. Дорога в собор

Арон ездил на работу разными маршрутами. Это было данью требованиям службы безопасности, которая, обрабатывая свой хлеб, постоянно страдала гипотетической опасностью, грозящей от происков вечно недовольных конкурентов. Сегодня он поехал на работу по окраине города, и этот путь был гораздо спокойнее по сравнению с дорогой через центр города. Там были вечные пробки, нервные водители, нетерпеливые гудки и автомобили, мгновенно срывающиеся с места, едва светофор показывал милостивый зеленый свет. Арон, любивший ранее погонять на автомобиле, с годами стал предпочитать спокойную езду. Огромная меркава на дороге внушала почтение другим автомобилистам, но всегда находился какой-нибудь лихач, что вьюном вился между машинами, выигрывая сомнительный приз в виде призрачного метра форы перед другими автомобилями и первым, словно к финишной черте, приходивший к светофору, к которому потом подтягивались другие машины с их неспешащими водителями.

Арон ехал к своему офису, расположенному немного в стороне от центра города, где располагались офисы крупных компаний. Последние годы он занимался производством и торговлей продуктов питания, и именно продукты дали ему и особняк, и эту меркаву и маленькую изящную таратайку для супруги, регулярные поездки в далекие края, а также немаленькие суммы на счетах в банке. Это было для внутреннего потребления, а граду и миру Арон явил сначала маленькую, а потом превратившуюся в большую, империю. Уже десять лет он занимался непрерывным расширением ее владений, включая в неё заводы, фабрики, фермы, поля, а пароходы успешно заменил автомобилями, которые развозили продукцию его империи по российским просторам, а недавно начал агрессивную экспансию за край родной ойкумены, найдя чем удивить старушку Европу..

Арон ехал рядом с трамвайными путями, мимо него проносились красные трамваи, и когда они застывали на остановках, спокойно тормозил, ожидая, пока не схлынет поток пассажиров из трамваев. Он чувствовал себя невидимкой, надежно спрятанной в недрах меркавы, и рассматривал людей, снующих по тротуарам. Иногда появлялись красивые девчонки, которыми он любовался и с тоской думал, что если бы шел пешком, обязательно с кем-нибудь из них познакомился, а так – шарабан и одиночество. Он был начисто лишен тщеславия, но работа и занимаемое им положение в обществе, чем несказанно гордилась жена, не давали ему возможность просто так пешком ходить по улицам города.

Чем больше он богател, тем больше росли амбиции его супруги, и если в начале семейной жизни на отдых они ездили на недорогие курорты, с ростом доходов они по очереди посетили дорогие курорты на Мальдивах, Сейшельских островах, на Барбадосе, и наконец Лера остановилась на острове Сен-Бартелеми. Сюда они прилетали уже несколько раз. Его супруга была почти счастлива, как же, остров миллионеров, её семья вошла в такой элитарный клуб, и ей многие завидовали. Арон не разделял её восторга, он привык работать, а не отдыхать и не тратить по пустякам деньги. Многие богатые соотечественники, с которыми он познакомился на острове, вызвали у него легкую оторопь, переходящую в изумление, как с таким низким интеллектом они сумели разбогатеть. Иногда у него возникала крамольная мысль, что многим из его соотечественников на этом острове просто приказали быть богатыми и посадили на золотую жилу, и теперь они поставили своей целью промотать даром доставшееся богатство, но деньги не кончались, как не кончалась каша из волшебного горшочка братьев Грим.

По улице шла стайка молоденьких студенток. Увидев их, Арон усмехнулся, недавно у него была встреча с ректором педуниверситета. Он совершенно случайно, когда поднимался на лифте, познакомился с хорошенькой студенткой-первокурсницей, которая, приняв за его преподавателя, мило стала улыбаться. Он не стал разочаровывать студентку, и записал её номер телефона. Надо будет ей позвонить и договориться о встрече.

Ч-ч-черт!

На перекрестке, едва светофор дал зеленую отмашку, меркава и встречный трамвай начали синхронно двигаться навстречу друг другу, и в этот момент какой-то раздолбай, распушив сизый столб дыма из выхлопной трубы, решил проскочить перед ними на старом рыдване, только позабыл, что лучшие годы его скакуна давно миновали. Поэтому грозный рев двигателя рыдвана не прибавил ему желанной скорости и прыти. Водитель трамвая успел остановиться, исторгнув пучки искр из-под ребордов колес, и рыдван сумел благополучно проскочить мимо трамвая и тут же оказался перед огромным шарабаном Арона, который стал неудержимо на него накатываться, грозя похоронить под собой эту старую рухлядь со всем её содержимым.

Арон еще раз чертыхнулся и до упора нажал на педаль тормоза, его тело резко бросило вперед, и он бы грудью ударился об руль, но ремень безопасности отбросил его назад, на спинку кресла, а автомобиль недовольно заурчал своими железными потрохами и заскрежетал тормозами. Меркава превратилась в огромного черного леопарда, которому было обидно упускать столь желанную добычу.

Однако в планы Арона не входило кого-либо давить, и мгновенным поворотом руля повернул автомобиль влево, а рыдван, вильнув, сумел описать причудливую загогулину на асфальте и проскочить мимо меркавы. Рыдвану повезло, ему удалось опровергнуть библейский постулат о том, что нельзя верблюду пролезть через игольное ушко. Старая колымага пронеслась в опасной близости, как от трамвая, так и шарабана, не столкнувшись с ними, но на этом её сомнительная удача закончилась. На противоположной стороне дороги, перед рыдваном, словно насмехаясь, вырос бетонный столб освещения, который не подумал уступить ему дорогу, и капот рыдвана, громко скрежеща от ужаса, вздыбился, соприкоснувшись с круглым железобетонным столбом. Мотор рыдвана взвыл в последний раз, словно жалуясь на превратности судьбы и своего горе-водителя, и навсегда заглох. Рыдван, крепко обиженный на хозяина, решил, что хватит, свое отъездил, и пора ему на покой, на свалку, где будет медленно ржаветь. Возможно, лет этак через пятьдесят, рыдвану повезет, его случайно обнаружат, и, как антиквариат, любовно очистят от ржавчины, реставрируют, и он будет спокойно стоять в сухом и чистом гараже, им будут восхищаться, полировать бока и ни в коем случае не рысачить на нем.

Парктроники меркавы взвыли дурными голосами, сигнализируя о возможном столкновении, но Арон сумел остановиться в полуметре от трамвая. Только сейчас, когда все благополучно закончилось, он, наконец, испугался, затряслись руки, а по спине побежала холодная струйка пота. Ему повезло, удалось счастливо избежать серьезной аварии со старым рыдваном. Арона неожиданно пробил нервный смешок, как ни странно, но неожиданно стало жалко глупого водителя, который не спешил выходить из разбитой машины, видимо боясь, что ему может перепасть горячих плюх от разъяренных водителей трамвая и шарабана. Он хлопнул ладонью по кожаной оплетке руля и хотел посмотреть в зеркало заднего вида, чтобы отъехать от трамвая, как чей-то пристальный взгляд буквально его заморозил. Арон медленно поднял

глаза, и увидел мужчину, который находился напротив него в трамвае и внимательно смотрел на него.

Взгляд незнакомца был подобен пальцам слепца, которые внимательно, сантиметр за сантиметром, стали ощупывать его лицо. Если бы эту случайную встречу взглядов увидел кто-нибудь посторонний, что мог бы эмоционально воскликнуть, как вы похожи, двое незнакомцев! Они на самом деле были очень похожи лицами и фигурами.

У них были вытянутые лица, с высокими лбами, под нависшими густыми бровями прятались серо-голубые, про такие говорят «стальные» глаза, большие прямые носы, крупные губы, только у одного носогубные складки нависают над губами, а у другого эти складки сглажены, и крепкие подбородки с ямочкой. У находившегося в трамвае были коротко подстриженные волосы цвета побитой морозом травы, сейчас были скрыты под плотно натянутой на голову шапкой. У сидевшего в машине темные волосы были длинными, с пробивающейся сединой на висках, что рассыпались по воротнику пиджака. Различие у этих мужчин было во взглядах, у того, что в трамвае, – потухший, ушедший в себя, а у того, что в машине, – уверенный и ни капли не сомневающийся в своей победе. Мужчины были по-разному одеты: у того, что в трамвае, одежда была из дешевых магазинов, в основном китайская, а тот, кто находился в машине, был одет во французский темно-синий костюм в тонкую полоску, серую рубашку с синим в красную искру галстуком, на ногах – темно-коричневые ботинки на кожаной подошве. Темно-коричневая итальянская кожаная куртка небрежно валялась рядом на сиденье. Одежду водитель шарабана покупал за границей.

Однако никто из посторонних не обратил внимания на этих мужчин, которые в упор смотрели друг на друга. Пассажиры трамвая громко обсуждали несостоявшуюся аварию. Мужчины, внимательно смотревшие друг на друга, казалось, вот-вот должны были покинуть транспорт, чтобы встретиться и удивленно спросить друг у друга, почему они так похожи друг на друга. Однако мужчины опустили глаза, и мимические мышцы их лиц остались в покое, а не растянулись в удивлении.

Сзади меркавы Арона заверещал клаксон нетерпеливого водителя, поскольку автомобиль перегородил дорогу, и никто не мог проехать. Арон рывком сдал назад от трамвая, мотор его автомобиля громко взрыкнул, и меркава, как горячий жеребец, пришпоренный седоком, понес его дальше по улице. В салоне автомобиля, усаживая его слух, заиграл «Silenzium»⁸, а трамвай неспешно покотился по рельсам, приближая Алекса к остановке под алкогольным названием.

Двое мужчин разъехались в разные стороны, и только на перекрестке, застыв в смертельном клинче с бетонным столбом, остался рыдван с собранным в гармошку капотом, возле него суетился горе-водитель, сухонький старичок, что рискнул выйти из машины только после того, как уехал Арон на шарабане и трамвай увез Алекса.

«Silenzium» нежными скрипочками успокаивал нервы Арона, в последнее время у него обострился гастрит, и после событий на перекрестке в животе появилась ноющая боль. Надо было лечиться, но у него не было времени ходить по врачам, поэтому он проглотил таблетку, которую посоветовали в аптеке и запил минеральной водой. Арон заставил себя забыть о боли. Лучше слушать хорошую инструментальную музыку. Ему понравилась музыка, которую испол-

⁸ современное новосибирское струнное трио, руководитель Наталья Григорьева

нял «Silenzium». Диск этой группы принесла дочь Вика. Он послушал диск, посмотрел их видеоклипы и подумал, что руководитель трио, холодная эффектная блондинка по имени Наталья, очень бы хорошо смотрелась в рекламе продукции его империи. Однако пока не давал задание отделу рекламы связаться с ней, полагая, что такое неожиданное предложение, возможно, будет воспринято отрицательно. Поэтому он решил не спешить со своим экстравагантным предложением.

Сегодня Арон собирался встретиться с отцом Никодимом. Вчера он созвонился с ним и договорился о встрече в соборе, где служил отец Никодим. Поскольку в нынешнее время опиум для народа оказался очень востребованным и доходным товаром, в городе был заново отстроен собор, поскольку прежний был снесен безбожниками-коммунистами.

Арон был в числе тех, кто давал деньги на восстановление собора, приезжал на стройку и там познакомился с отцом Никодимом, с которым стал поддерживать дружеские отношения. Знакомые Арона, удивлялись, что может связывать homo novus (лат. «новый человек», здесь по смыслу – «новый русский») со скромным священником. Секрет был прост, Арон устал от встреч с другими дельцами, в большинстве своем весьма ограниченными созданиями, способными рассуждать только на три темы: как из воздуха делать деньги, у кого более дорогой автомобиль и сколько было потрачено на отдых на дорогом курорте. Отец Никодим оказался умным и начитанным собеседником, и с ним можно было поговорить на отвлеченные темы. Арон, прагматик и атеист, решительно не понимал верующих в Иисуса Христа, а священников считал ловкими прохиндеями, наживающимися на народном невежестве. Впрочем, мнение о священнослужителях у Арона была книжное, вынесенное из русской классической литературы, где священников выставляли как персонажей весьма недалеких, думающих только о том, как набить свою ненасытную утробу.

Общение с отцом Никодимом показало ему, что среди священников есть и глубоко порядочные люди. Батюшка, человек глубоко верующий, тем не менее, не пытался обратить его в веру и не убеждал отказаться от атеизма. В мире Арона все было подчинено одной цели – еще больше заработать денег, а батюшка вел с ним неспешные беседы о месте человека в обществе и о том, какой след оставляет человек в этом мире. Со временем Арон стал все чаще встречаться с отцом Никодимом.

Его путь к собору оказался омраченным еще одним происшествием. Едва он повернул к собору и стали видны широко его распахнутые ворота, с тротуара на дорогу метнулась темная фигура. Это заняло долю секунды, но на сетчатке глаз Арона отчетливо запечатлелась смазанная высокая фигура в шинели и шапке-ушанке, которая прыгнула под колеса. Он успел вывернуть руль вправо, и огромная машина выскочила на тротуар, с размаху ткнувшись бампером в раскидистый каштан, который немедленно засыпал лобовое стекло машины пожелтевшими листьями. Мотор автомобиля тут же заглох, а Арон невидяще смотрел перед собой, его трясло, вторая подряд опасная ситуация на дороге. Арон, успокаивая себя, глубоко вздохнул, отъехал назад и внимательно осмотрел автомобиль. На нем не было ни царапины, лишь к бамперу прилипла содранная кора с дерева, а того, кто бросился под колеса, и след простыл. О наезде на дерево теперь напоминал только ободранный ствол дерева, да две глубокие колеи на мокром газоне. На небо напозднили тяжелые тучи, что скрыли солнце, и стал срываться мелкий дождик, покрывший автомобиль мелкими жемчужными капельками; день сразу поскучнел и потерял осеннее очарование. Он стряхнул кору с бампера, и очень осторожно заехал на площадку возле собора, и позвонил отцу Никодиму. Тот оказался занят, и, чтобы не скучать, Арон достал из бардачка желтую книжку журнала с обложкой в виньетках и надписью «Край городов», под которой было написано «Петербургский литературный журнал».

Он уже не помнил, когда в последний раз читал художественную литературу, едва хватало времени на налоговые и профессиональные журналы, и книги по корпоративному управлению. Этот журнал он нашел на мраморной скамейке на втором этаже особняка. Он понял, что его забыла дочка, и взял почитать, чтобы знать о том, чем интересуется Ника.

Арон стал листать журнал, увидел название первого произведения и имя автора «Александр». Имя совпадало с его отчеством, но название повести «Долгая дорога» ему ничего не говорило. Он прочел первую фразу и удивленно хмыкнул. Неожиданное начало повести зацепило, и он решил прочитать эту повесть до последней страницы, но тут хлопнула дверца машины, и рядом с ним сел батюшка Никодим.

Он был небольшого роста, с пегой бородкой и длинными, начинающими редеть светло-соломенными волосами, выбивающимися из-под черной скуфии, с умными глазками под реденькими бровями, носом бульбочкой, узкими губами и острым подбородком. Батюшка был одет в старую выцветшую, когда-то черного цвета, рясу и старые ботинки, а из-под рясы выглядывали потертые коричневые брюки. Одевание батюшки не гармонировало с дорогой отделкой салона его шарабана, оно больше подходило к приему сырых паломников или к лавочке возле собора, на которой Никодим любил посиживать. Батюшка не обращал внимания на затрапезность своей внешности, справедливо полагая, что если к нему обращались за помощью, скромность его одеяний будет во благо жаждущему и поможет тому открыть свое сердце.

Священник, увидев журнальную книжку, попросил её посмотреть. Получив журнал, отец Никодим открыл его и мгновенно забыл о нём. Арон знал об этой черте священника, который, если брал в руки книгу, тут же выпадал из реальности и начинал быстро пролистывать страницы, у него была феноменальная скорость чтения. Так произошло и в этот раз, и Арон терпеливо подождал, когда Никодим прочитает повесть, в которой на глазок было около семидесяти страниц.

Священник закрыл журнал, пожевал губами и спросил:

– Откуда у вас этот журнал?

– Дочь откуда-то принесла, и я взял у нее почитать.

– Сколько лет вашей дочери?

– Пятнадцать.

– Вы прочитали повесть из этого журнала?

– Нет, только взял, думал после работы посмотреть

Священник вновь пожевал губами:

– Странный вкус у вашей дочери и рановато читать ей такие вещи. Здесь опубликована детективная повесть «Долгая дорога». Интересно написано, автор не бесталанный, на короткой ноге с постмодернизмом, но! Я твердо знаю, что в жизни существуют только две дороги, и обе долгие, длиною в жизнь, только одна ведет к Храму, а другая ведет к Сатане. Детективы, к сожалению, всегда ведут к Сатане, даже если в них зло и будет наказано, просто души

тех, кто будет наказывать, поневоле будут замазаны в грязи питанских болот⁹. Тогда спрашивается, чем они лучше преступников, ведь они измазаны одной грязью. Только церковь и вера в Бога может спасти этих грешников, но они не хотят идти в церковь. Поэтому, – отец Никодим тяжело вздохнул, – все это пустота и пыль, вашей дочери надо бы читать жития Апостолов, чтобы прожить безгрешную жизнь, а они, глупые, выбирают детективы. Для меня детективы – пустота и пыль.

Отец Никодим помолчал и продолжил:

– Кстати, такой журнал я уже видел в соборе, кто-то из прихожан принес его, я его видел, но не успел прочесть.

Арон усмехнулся:

– Вы, наверное, большой любитель Пелевина, раз упоминаете пустоту, а что касается этого детектива, не успел прочитать, но теперь обязательно прочитаю, чтобы потом сравнить наши мнения об этой повести.

Отец Никодим раздраженно дернул уголком рта:

– Не нравится мне Пелевин, хоть и модный писатель, только язык мертвый, в красивой восточной обертке. В результате – одна пустота души. Но это так, к слову. Я говорю о другом, читать надо о житиях святых, а читают, к сожалению, детективы.

– Как вы завернули, кто же сейчас читает жития святых, модно читать детективы, они легче, да и суть людей не изменилась. Помните «Имя розы», хоть в средневековье и читали жития святых, а страсти людские были такими же мелкими.

– Суть людей не изменилась, – согласился отец Никодим, – только раньше люди боялись гнева господнего, старались не грешить, а если грешили, покаянием замаливали грехи. Сейчас о Боге вспоминают, когда или очень плохо, или пытаются переложить на него решение своих проблем, забывая, что Бог – не палочка-выручалочка, Бог может помочь, если есть в него истинная вера.

Отец Никодим на мгновение замолчал, а потом внимательно посмотрел на Арона:

– Что за сомнения гложут твою душу, сын мой?

Арон задумался. До поездки в собор он мысленно обозначил свои проблемы, которые хотел обсудить со священником. Их было две. Первая – бизнес давно обратил его в своего раба, ибо никто не отменял основной принцип дела: деньги должны делать деньги, стоит только остановиться, как деньги начнут убегать, а дело начнет рушиться. Вторая – его семейная жизнь, которая полностью разладилась. Впрочем, вторая проблема была не столь важной, обычный циклический кризис семейных отношений.

Первая проблема волновала больше всего, и ему никак не удавалось найти необходимое решение. До этого он следовал простому принципу: «у меня нет проблем, они существуют у моих конкурентов». До определенного времени этот принцип работал и приносил удачу, он умел ставить перед собой цели, которых непременно добивался, но в последнее время что-то сильно разладилось в нем, все стало казаться ненужным, раздражало, а любимое дело перестало приносить удовлетворение. Исчезла необходимая гармония, и он стал испытывать неве-

⁹ грязь питанских болот – цитата из «Трудно быть богом», бр. Стругацких

домое до этого чувство непонятного отвращения к главному делу своей жизни, что превратилось в дерьмо, в которое поневоле приходилось ежедневно вступать и испытывать душевный дискомфорт. Он мучительно искал выход из сложившегося положения, но не мог его найти.

Арон попытался сам разрешить эту проблему, но... Проблема постепенно превратилась в цунами, и ему в первый раз за последние годы потребовалась помощь. Однако странная немота одолела его, и он ничего не мог сказать отцу Никодиму. Так он сидел и молчал, пока отец Никодим легко коснулся его плеча своей сухонькой, как птичья лапка, ручкой и ласково сказал:

– Вижу, что твоя душа мечется в потемках и некому указать тебе правильный путь. Не держи в себе свои горести, поделись со мной. Поверь, тебе станет значительно легче.

От ласковых слов священника у Арона на глазах неожиданно навернулись слезы, и ему захотелось, как в детстве, расплакаться, но он до крови закусил губы и замотал головой.

Отец Никодим, видя его состояние, продолжил:

– Твоя беда в том, что ты мужчина гордый и сильный, носишь свои проблемы в себе и ни с кем ими не делишься. Женщинам легче, они любят поплакать и пожаловаться о своих горестях. Однако если ты будешь молчать, я не смогу тебе ничем помочь.

Но и после этих слов Арон ничего не смог сказать, комок подступил к горлу и опять эта проклятая немота.

Видя его мучения, отец Никодим произнес:

– Если так трудно говорить, я сам возьму на себя смелость рассказать о твоих проблемах. Просто кивни головой, чтобы я знал, что нахожусь на правильном пути. – Священник замолчал, словно собираясь с мыслями, а потом продолжил. – Мы находимся не в церкви, поэтому я могу отступить от освященных веками правил. Обычная практика состоит в том, чтобы дать пришедшему на исповедь выговориться, облегчить душу, а потом словом врачевать его раны. Но мы не в храме, и я поступлю иначе. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя, такого сильного и успешного, жалели?

Он кивнул головой и смахнул неожиданную слезу из глаза.

Поэтому мы, – священник погладил нательный крест, – как говорил уже порядком подзабытый вождь всех трудящихся В.И. Ленин, пойдем другим путем. Я долго наблюдаю за тобой и могу сделать определенные выводы. Ты – ярко выраженный авторитарный тип, умеющий не только ставить цели, но и добиваться их, при необходимости все сметая на своем пути. Чужое мнение тебе интересно, если оно совпадает с твоим, но надо отдать должное, ты умеешь слушать других и вносить коррективы в свои действия. Ты стараешься держать все на коротком поводке, вмешиваться в каждую мелочь и постоянно контролировать. Это принесло тебе успех, деньги, твое дело растет и завоевывает новые вершины. Однако короткий поводок стал душить, и в один прекрасный момент ты почувствовал, как заболела душа, а дело, которое составляло смысл жизни, не только потеряло свою привлекательность, но и, подумав страшно, стало тяготить. Поэтому ты сейчас на перепутье и не знаешь, что делать дальше, тащить ли постылую ляжку дальше или все бросить, забыть о своем деле и начать поиск нового пути. Однако страшно лишиться привычного: ты привык руководить, привык к тому, что тебя слушаются, привык большим деньгам, к бешеному круговороту вокруг тебя, а здесь нужно мужество, чтобы сделать шаг в неизведанное, где ничего прежнего не будет. Я прав?

Арон опять кивнул головой.

– Могу сказать, – продолжил священник, – в тебе просыпается душа, уставшая служить мамонне, желающая понять, для чего ты появился и что оставишь после себя, душа, которая впервые устремилась к Богу. Поэтому ты мучаешься, и эти мучения тебя гнетут. Я могу только напомнить слова из библии, что нельзя служить мамоне и Богу одновременно. Пришло время выбирать. Нельзя сказать, что один выбор будет лучше или хуже другого. История помнит как о богатых, своим богатством возвеличивавшим славу церкви, так и о нищих праведниках. Однако не забывай слова Христа, что богатому не войти в Царство Божие. Поэтому выбор – это дело твоей совести, а я, как смиренный служитель бога, с радостью приму твой выбор и по мере своих слабых сил буду помогать тебе идти по выбранному пути. Конечно, я бы желал, чтобы ты выбрал путь к храму. Этот путь – это тяжкий труд, но он приведет тебя к спасению души, и ты поймешь, как Бог любит тебя.

Отец Никодим умолк, Арон понял, что время, отведенное ему батюшкой, истекло, и хотел с ним проститься, но в этот момент кто-то постучал по стеклу боковой дверцы автомобиля, где сидел священник. Арон опустил стекло, и в салон машины ворвался холодный ветер. Алекс пожегся, в автомобиле стало прохладно. Стоявшая рядом с автомобилем женщина что —то прошептала, священник послушал, а потом сказал:

– С тобой хочет поговорить Татяна, что побирается возле храма. Выйди к ней.

Арон изумленно пожал плечами, он не любил нищих возле храма, их крикливые голоса, не просящие, а настырно требующие подаяния, но уважил просьбу священника. Он вышел из машины и увидел высокую худощавую женщину, в серой одежде, от платка, до длинной юбки, из-под которой выглядывали носки тяжелых, не женских, а скорее солдатских ботинок. Особенно поразило ее лицо, как у богоматери на иконах, тонкое, чистое, без единой кровинки, в глазах – любовь и всепрощение.

– Скажи, добрый человек, – спросила Татяна, ее голос был тихим, подобно шелесту ветра в пожухлой осенней траве, – не видел моих деток, Олежку и Таечку? Они тут играли, возле собора, потом подъехала твоя машина, и они забежали за нее, и я не могу их найти.

Арон замешкался, не зная, что сказать, и ему на выручку пришел отец Никодим:

– Татяна, ты, верно, запомнила, что твои детки в школе, только не в этом городе, и ты скоро поедешь к ним.

– Но я их видела тут...

– Татяна, не отвлекайся, – строго сказал священник, – ты что-то хотел сказать моему знакомому.

– Я помню, – Татяна посмотрела на Арона своими огромными лучистыми глазами, – дай мне руку.

Арон подчинился и вздрогнул, бледные пальцы женщины обожгли снежным холодом.

– У тебя давно болит душа, ты мечешься на перепутье, и еще у тебя за душой один неотмоленный грех. Покайся отцу Никодиму, он хороший и поможет тебе, – пальцы женщины

разомкнулись, рука Арона упала вниз, и, больше не говоря ни слова, женщина повернулась и пошла к храму.

Ее походка поразила Арона, обычно побирушки, чтобы вызвать жалость, горбились, мелко семенили при ходьбе и угодливо прогибались перед богатыми богомольцами. У Татианы была ровная линия спины и горделивая походка королевы, которая утратила семью, королевский трон, но назло всем сохранила царственную походку, которой она продолжала идти по жизни.

Холод пробрал Арона до костей, и было непонятно, то ли на него подействовал стылый октябрьский воздух, то ли слова этой странной женщины.

– Кто она, – спросил он у отца Никодима.

– Недавно прибилась к храму. Называет себя на церковный лад Татианой, живет подаением, что делит на три части, на одну покупает свечи, и каждый день ставит их во здравие своих деток, другую часть отдает на восстановление храма или другим нищим, а третью часть тратит на себя. Поэтому прихожане прозвали её блаженной Татианой.

– Где же она живет?

Священник пожал плечами:

– Где-то в городе, в какой-то ночлежке.

– Где её семья, почему не заберут отсюда?

– Некуда её брать. К сожалению, обыкновенная русская трагедия, у нее было двое деток, сын Олежка и дочь Таечка, она работала в школе завучем, а муж занимался бизнесом. В один момент муж разорился и подсел на наркотики. Она стала тянуть всю семью на себе. Однажды она пришла домой, а там – везде кровь, детки лежат в кроватях, порубленные, в изголовье вместо креста топор, и муж радостный, умиленный, ему голоса сказали, убей детей и он разбогатеет. После этого она тронулась умом и стала скитаться, замаливать грехи мужа.

– Можно как-то помочь и вылечить её?

– Зачем, она счастлива в своем безумии, ее детки живы, здоровы, только живут не с ней, в другом городе.

Арон покачал головой, достал портмоне и вытащил из него, не считая, пачку краснокоричневых пятитысячных купюр, которые протянул священнику:

– Передайте ей.

Отец Никодим взял деньги:

– Спасибо, буду отдавать ей частями, чтобы у неё не украли.

Арон хотел сесть в машину, но священник остановил его, вновь осторожно прикоснувшись к его руке:

– После того, как Татиана прибилась к храму, она приобрела здесь большой авторитет и к ней стали приходить за советами. Она никому не отказывает и дает мудрые советы. Знаю,

что вы относитесь к этому весьма скептически, но прислушайтесь к совету Татианы, ей, как блаженной, видно то, что мы, простые смертные, упускаем в мирской суете.

Арон недоверчиво хмыкнул, завел меркаву и покатил к себе на работу. Слова священника и блаженной разбередили душу. В самом деле, он добился многого, но, достигнув одной вершины, сразу обнаруживал другую, еще круче и выше достигнутой, её снежные пики нестерпимо сияли в солнечном свете, и он с упорством продолжал карабкаться на неё. Теперь надо было остановиться и решить, стоит ли ему стремиться к новым вершинам. Высоцкий был прав, лучше гор могут быть только горы¹⁰, только следующая вершина ничем не будет отличаться от той, на которой он побывал. Солнце и Луна будут недостижимы и на новой вершине, как были недостижимы и на той вершине, на которой сейчас находился; будет удовлетворено только тщеславие, что он сумел взять приступом очередную высоту. Теперь вопрос в том, что именно должен себе доказать, что денег станет еще больше и что он, как царь Мидас, может обращать все в золото? Он может обновить шарабан и таратайку для жены, может купить остров в Средиземном море, где построит очередной особняк, приобретет роскошную яхту, наконец, поменяет любовницу на более молодую, с невинно-порочной мордашкой. Что дальше?

Кстати, пока не забыл, надо отправить в отставку эту, он все время путал ее имя, то ли Рину, то ли Карину. Слишком девушка изнурила себя диетами, вбила в себе в голову, что слишком толстая, теперь остались одни кости, и когда их тела соединялись, Арон получал сомнительное удовольствие, будто занимался тантрическим сексом, возлежа на острых гвоздях. Никакого удовольствия от секса. К тому же запросы этих мощей стали неприятно расти в геометрической прогрессии.

Черт, еще и эта блаженненькая, утверждающая о его огромном неотмоленном грехе. Кто сказал, что делом можно заниматься в белых перчатках? Если не будешь грешить, большие деньги не придут к тебе, а побегут к другому более удачливому грешнику. Грехи, как утверждала церковь, можно потом отмолить. Помнится, в средневековье с целью освобождения от грехов можно было купить индульгенцию.

Неожиданно начал издавать трели телефон, и он, не смотря на дисплей, понял, что его разыскивают с работы, видно, сложилась очередная нештатная ситуация, и никто не хочет брать на себя ответственность. Прав был отец Никодим, он отбил у своих сотрудников быть инициативными. Только ему надоело тащить этот воз. Черт, какое же решение принять. Ладно, надо ехать на работу, и там он примет решение. Арон сделал погромче музыку, и салон затопили энергичные звуки скрипок и виолончели: «The battle goes on»¹¹. Из старой ура-патриотической песни *Silenzium* извлекли прекрасную мелодию, сделали великолепную аранжировку, и он, вспомнив слова песни, стал тихо напевать: «и вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди, и юный Октябрь впереди!»¹². Под эту музыку Арон приехал к своему офису.

Его офис неспешно плыл между облаков, сияя золоченой вершиной, а над ними, выше облаков, самолетик выделял фигуры высшего пилотажа, и за ним тянулась многокилометровая надпись «ИМПЕРИЯ ПРОДУКТОВ».

¹⁰ слова из песни «Прощание с горами», из фильма «Вертикаль», В. Высоцкий

¹¹ английский вариант названия песни Неба утреннего стяг – музыка А. Пахмутовой

¹² слова из припева песни «Неба утреннего стяг», слова Н. Добронравова

На самом деле все было гораздо проще. Достигнув определенного уровня, он пригласил модных специалистов, которые предложили ему, как они выразились, новую философию его дела и новое название его фирмы. Увидев название, он хмыкнул, это был классический оксюморон, чем и поделился с руководителем проекта – дамой, которая только что из себя не выпрыгивала, чтобы соответствовать понятию «креативность», и это же словечко она использовала в ответе, экзальтированно размахивая руками:

– Это так современно и креативно!

Он не стал спорить с этой креативной дурой, руководившей модными специалистами, просто был воспитан старомодно и ему претили подобные оксюмоны. Кстати, он убедился, как плохо владели эти модные специалисты русским языком, когда читал их отчет о работе.

Отчет он поставил на полку, и при случае демонстрировал своим новым контрагентам, чтобы они впечатлились, с кем собираются иметь дело, но в итоге оставил старое название «ПРОДУКТЫ», простенькое и, как всегда, привлекательное, при чтении которого у потенциального покупателя должен обязательно проявляться условный рефлекс собаки Павлова.

Своим работникам Арон не уставал внушать мысль, что они производят и продают не просто продукты, а очень качественные продукты. Неважно, что вместо, например, мяса, они продают красивую этикетку, на которой написаны магические слова: «мясо свежее деревенское» с изображением аппетитного куса вырезки необычайно красивого розового цвета, что легко достигалось при помощи красителей. Запомните, не уставал повторять он своим сотрудникам, мясо – продукт дорогой и не всем по карману, но наш покупатель должен быть уверен, что покупая наш товар с красивой этикеткой, даже если вместо мяса он покупает субпродукты, он покупает самый высококачественный товар! При этом мы никогда не обманываем покупателя, он сам обманываться рад!

Офис встретил его привычной бестолковщиной, при виде него менеджеры (презрительно-насмешливое название профессии «менеджер») еще более засуетились и испуганными оленями порскнули из курилки. Арон повернулся к своему помощнику Валерию, худому мужчине с бритым черепом, в больших роговых очках и в сером костюме, который встретил его на пороге, и коротко бросил: «всем курильщикам записать штраф». Арон посмотрел, как менеджеры поспешно разбежались по кабинетам и понял, что мотивация этих обалдуев явно упала до нуля и пора производить их плановую замену, как рекомендуют специалисты в области корпоративного управления. Обычная проблема любой корпорации, когда слишком долго проработавшие менеджеры заболевают звездной болезнью и начинают требовать доход не по чину и при этом начинают манкировать работой.

Арон прошел в свой кабинет. Кабинет явно скучал по своему хозяину, и, повизгивая от радости, бросил к его ногам серый ковер, пахнувший цветочной отдушкой, а потом услужливо пододвинул кожаное кресло с высокой спинкой.

Его кабинет был обычным кабинетом руководителя, в котором главное место занимал начальственный стол, чья столешница могла при случае послужить как небольшая взлетно-посадочная полоса для джета бизнес-класса. К его столу примыкал еще один стол с десятью стульями, по пять стульев с каждой стороны, где рассаживались главные специалисты фирмы во время совещаний и двумя массивными креслами с журнальным столиком, здесь Арон принимал особо важных посетителей, которых угощал чаем или кофе. В простенке были немецкие настенные жилые часы с боем, производство Lenzkirch, выпущенные в середине девятнадца-

того века, в корпусе из темного дерева с фарфоровым циферблатом, а по бокам часов – две абстракционистские картины. Такую композицию придумала его жена. Если часы Арону нравились, особенно их гулкий степенный бой, то в отношении картин выказал неудовольствие, поскольку не понимал смысла в этих искаженных геометрических фигурах. Лера снисходительно посмотрела на него и назидательным учительским тоном, который так ненавидел Арон, сказала, словно нерадивому ученику, которому в очередной раз объясняла непонятный учебный материал: «Не надо искать смысл в этих абстракционистских картинах! Просто смотри на них и любуйся, как на яркое цветное пятно в серой прозе жизни, как на кляксу от мороженого, которую ты посадил на любимые белые штаны». Арон терпеливо вздохнул и постарался следовать совету супруги, пусть будут яркие пятна, его от этого не убудет. Надо отдать должное супруге, эти картины вносили необходимое оживление, поскольку мебель в кабинете была выдержана в темно-коричневой гамме.

Арон привычно плюхнулся в кресло, и оно мягко подалось, принимая его тело, а потом шевельнул мышкой на столе. Экран монитора тут же проснулся, и по нему изломанной змеей поползла надпись *segue «il tuo corso ed lascia dir la gente»*¹³. Он быстро просмотрел суточный электронный отчет и понял, что ничего экстраординарного не произошло, и пригласил Берблюду.

Так в фирме метко окрестили главного бухгалтера, высокую полную женщину/ В профиль ее фигура имела два холма, как у корабля пустыни, большая грудь и не менее большой живот, посредине выемка, про зад на отлете можно и не упоминать. Берблюда шествовала по жизни, как по пустыне, величаво и с презрительной физиономией, и замечательно метко поплеывала, когда выпивала лишку на корпоративах.

С Берблюдой он провел целый час, обсуждая плановую выездную налоговую проверку. К сожалению, любое успешно работающее дело имело обратную сторону, когда налоговики, как пираньи, хищно набрасывались и пытались вырвать куски пожирнее, как же, у вас такие серьезные налоговые правонарушения! У Арона были необходимые знакомства, которые помогали ему в оптимизации налогов, однако еще не достиг того уровня, когда сверху одергивали не в меру ретивых налоговиков. На следующих выборах надо постараться стать депутатом Госдумы, чтобы о нём забыли и не требовали больше того, что он платил. Сейчас же, узнав о проверке, Арон пообщался с высокопоставленными знакомыми, которые прямо сказали, что не могут ничем помочь, сверху спущена строгая директива о необходимости очередного срочного наполнения бюджета и уже сверстан план налоговых санкций для успешно работающих фирм с миллионными штрафами. Степень серьезности налоговых нарушений должен был установить проверяющий, и надо было исхитриться, и в виде ритуальной жертвы бросить малую косточку в загребущие руки налоговиков, что позволило бы кораблю под скромным-прескромным названием «Продукты» продолжить дальше плыть через бурное море-окиян.

Берблюда была одета в строгий деловой костюм серого цвета, сшитый у хорошего портного, который скрывал недостатки ее фигуры. Но когда Берблюда наклонялась, пуговицы пиджака с трудом выдерживали напор мощной груди, являя соблазнительную ложбинку между грудями, и, казалось бы, сколько лет Арон с ней работал, а вид ее вздымающейся груди по-прежнему будил в нем греховные мысли. В который раз он меланхолично подумал о том, что Бер-

¹³ *il tuo corso ed lascia dir la gente* лат. – следуй своей дорогой, и пусть люди говорят, что хотя

блюде желательно бы избавиться от живота, и была бы красotka хоть куда, и он не отказался погладить ее роскошную грудь, мд-а-а.

Мысли о греховном совсем вытеснили мысли о работе, и когда он усилием воли заставил себя сосредоточиться на работе, почувствовал необычайное раздражение. Ему до дрожи в пальцах захотелось встать, подбросить вверх бумаги и, наконец, трахнуть на столе эту берблюдицу. Зря, что ли столько лет она охмуряла его, пора бы порадовать старушку. Желание было таким острым, что он еле сдержался, только неожиданно затряслись руки, а в расширенные зрачки ворвалась мебель кабинета, с грохотом обрушившись на голову, и спасительная тьма отключила сознание.

Берблюда спасла Арона. Увидев, как его лицо покраснело, он стал задыхаться, а судорожно согнутые пальцы стали царапать подлокотники кресла, Берблюда выплеснула на него графин с водой, а потом властным голосом приказала секретарше Нине вызвать скорую помощь.

Врач скорой помощи диагностировал просто переутомление, сделал укол и посоветовал больше отдыхать. После ухода врача скорой помощи Арон, мокрый и взъерошенный, выставил всех из кабинета, не забыв поблагодарить Берблуду, и остался один. Арон никогда не верил в мистику, но тут поневоле надо было задуматься, подряд две едва не приключившиеся аварии, странный совет этой, как ее там, Татианы, а потом приступ. Надо признаться самому себе, что больше он работать не сможет. Пока не поздно, надо заканчивать со своим делом, какие бы он грандиозные планы не строил. В конце концов, как он начинал это дело, так может и его закончить. Семья... свои обязательства перед ними он выполнит. Больше ни перед кем у него не было обязательств.

Отец Никодим что-то говорил о дороге к храму, однако Арону больше нравился восточный путь самопознания. Он всегда мечтал путешествовать по миру, запад не в счет, только на восток. Пора воплотить в действительность свои желания, уехать сначала на отдых в Бирму, а потом в Индию, где закатиться в какую-нибудь глухомань, в тихий ашрам, и там заняться познанием своей души. Его мобильный телефон стал требовательно названивать. Это была его супруга, которой уже сообщили о случившемся. Он помедлил и отключил телефон, а потом достал из стола заграничный паспорт. Решено, он летит сначала в Бирму, а потом в Индию. По дороге напишет жене сообщение.

Однако ему не удалось просто так улизнуть из кабинета. Едва он встал из кресла, чтобы уйти, как мышка на столе, зловеще мигнув красным глазом, неожиданно разогналась и сначала протаранила монитор, осыпавшийся на стол кучей неряшливых обломков, а затем налетела на массивный телефон и вместе с ним прыгнула на пол. Глухой удар возвестил, что они достигли цели и оказались на полу. От неожиданности Арон опять уселся в кресло и услышал, как щелкнул замок в двери, отсекая его от остального офиса, и в кабинете пошла потеха.

Мебель, чинно и благородно стоявшая в кабинете, казалось, только и ждала, когда она, наконец, могла взбеситься и пойти в разнос. Стулья, словно олени во время гона, выскочив из-за стола, стали с треском сталкиваться друг с другом. Полки разом стряхнули с себя скоросшиватели, из которых вылетели и стали порхать, как птицы, файлы с бумагами, а дверцы всех шкафов, словно по единой команде, открылись, и оттуда гурьбой повалили тщательно запрятанные в них скелеты. Их у владельца этого кабинета накопилось немало. Скелеты, с костяным стуком клацающая челюстями, построились в шеренгу и, дождавшись, когда антикварные часы

пробьют полчаса, двинулись к нему. Он с интересом смотрел на происходящее в кабинете и думал, что это плод его разыгравшегося воображения.

Тут, чтобы он поверил в реальность происходящего, решило внести свою лепту кресло, которое, как взбесившийся бычок, вдруг подпрыгнуло вверх. Арон вылетел из него и со смачным шлепком приземлился на пол. Больно-то как! Он выругался и потер ушибленные ягодицы. Теперь он поверил, что вакханалия в кабинете не плод его разыгравшегося воображения, а суровая действительность. Кабинет стал напоминать пейзаж во время битвы, стулья теперь скакали, словно кавалерия в тылу врага, круша все на своем пути, письменный стол углом пытался поддеть и перевернуть ножками вверх большой офисный стол, который, в свою очередь, возомнил себя жеребцом и попытался его покрыть как кобылу. Файлы превратились в истребители, что подобно злым осам, сбились в стаи, грозно гудели, предупреждая, что к ним лучше не приближаться, скоросшиватели превратились в воздушные штурмовики, готовые в любую минуту свалиться в пике, чтобы засыпать мелкими бомбами-скрепками бедного Арона. Скелеты же, не обращая на бедлам вокруг, стали брать его в кольцо. В их пустых глазницах зажглись такие же злые красные огоньки, как у компьютерной мыши, когда она протаранила монитор. Скелеты явно хотели посчитаться с ним за его прошлые грехи, из-за которых были вынуждены поселиться в пыльных шкафах, а не составить ему компанию и посидеть на дорожку перед дальней дорогой, и тяпнуть напоследок вискарика.

Арон, стал задом двигаться назад, в угол, чтобы спрятаться от недружественных скелетов и оказался возле кадки с высоченной иссохшейся палкой, на вершине которой, как приклеенные, болтались несколько вялых листочков. Это была пустынная пальма со сложным латинским названием, которая стояла в кабинете уже третий год, и ни разу не поменялась, иссохшая жилистая палка и вялые листочки на вершине. Когда жена торжественно водрузила в кабинете кадку с этим пугалом, Арон с удивлением поднял на нее глаза, зачем ему эта неудачная заготовка для ручки швабры, которая не подходила к обстановке кабинета. Лера, с апломбом жены очень богатого человека, которую просто обязаны слушать и восхищаться всеми ее благоглупостями, безапелляционно изрекла: «Ты, дорогой, совсем отстал от жизни! Это безумно дорогая и редкая пальма и просто счастье, что смогла ее купить. Согласно китайскому учению Фун-Зы, эта пальма приносит удачу в бизнесе». Арон, вспомнив две абстрактные картины, тяжело вздохнул. Как-то не вязалась пустынная пальма из раскаленных песков Сахары и бездельниками-бедуинами с трудолюбивыми муравьями-китайцами, чайными плантациями и Конфуцием, но не хотелось обижать жену в присутствии сотрудников, а поэтому он безропотно согласился, и пальма поселилась в кабинете.

Один из его клиентов, румяный и толстый фермер, впервые увидев эту пальму, обошел её с двух сторон, с третьей не смог, помешала стена, и задумчиво изрек: «колхоз «Сорок лет без урожая», уважаю странный выбор, зачем оно вам?» Арон пожал плечами: «стоит в углу, поливать не просит, глупых советов не дает, и думать не мешает». Эту фразу о пальме, которая колхоз без урожая, случайно услышала секретарша, подававшая кофе, и тут же разнесла её по всему офису, и теперь Арона стали звать за глаза «предколхоза «Сорок лет без урожая».

Услышав это прозвище, Арон плотоядно потер ладони, и время от времени особо вредным сотрудникам безжалостно урезал премии. Когда обиженные приходили алкать к нему справедливости, как же, сосед получил и теперь делится планами, как будет её тратить, а его обнесли, Арон, указывая на пустынную пальму, с печалью в голосе и веселыми чертеными в глазах, произносил: «как же, сочувствую, но не могу, урожай стубила засуха, овес нынче

дорог, поэтому соседу хватило, а вам придется подождать». Репутацию нищего председателя надо было оправдывать!

После такого разговора по душам секретарша обязательно подавала кофе, мужчинам плескала чуть-чуть в рюмку дагестанского коньяка, женщинам – сухого цимлянского вина, по желанию коньяк и вино можно было повторить, и сотрудник уходил в раздраенных чувствах, надо бы обидеться на хозяина, что не дал премию, но он так проникновенно говорил о проблемах фирмы, и выпить налил, вот и думай, злиться на него, или проникнуться моментом, завязать свои амбиции узлом и подождать до следующей премии.

Это гадская пальма оказалась очень вредной, хотя Арон ей ничего не сделал плохого. Пальма, дождавшись, когда он прижмется к кадке, резко хлестнуло своей вершиной по макушке, и Арон второй раз за день с радостью потерял сознание, а с дерева сорвался и упал рядом с ним один из трех листиков, болтавшихся на её вершине.

Немецкие старинные часы Lenzkirch загудели и отчетливо пробили двенадцать раз, фарфоровый циферблат раскрылся, и из него вылетела кукушка, тяжело шмякнувшись на пол. Абстрактные картины свернулись трубочкой, и от них пошел дымок, и во всем офисе фирмы разом зависли все компьютеры и погас свет.

Лето. Жара. По размягченному асфальту пустынной дороги растеклось ярко красное пятно, носки его туфель были запачканы в крови, но Арон не замечал, он стоял и пялился на изломанную куклу, лежавшую на дороге и не мог сообразить, как все мгновенно переменялось. Только что он стоял и говорил с Петюней, его компаньоном, ментором и гуру в одном флаконе в городе Б., при этом Петюня по привычке стоял на середине дороге и разлагольствовал о том, сколько он заработает миллионов, когда скупит контрольный пакет акций металлургического завода и станет его директором.

Арон на мгновение отвернулся, сделал шаг к обочине, и за спиной возник басовитый звук, похожий гудение большого шмеля. Звук приближался скачкообразно, становился все ближе, и Арона чуть не снесла с ног упругая волна воздуха, следом за ним последовал звук тупого удара. Басовитое гудение шмеля на мгновение прервалось, затем шмель еще громче взвыл, словно двигатель автомобиля, набирающего обороты, и Арон стал медленно-медленно поворачиваться, чтобы увидеть задние фонари большого грузовика и его запыленный нечитаемый номер. Грузовик, решив стать гоночной болидом, мчался по дороге на большой скорости, все дальше удаляясь от Арона, превращаясь в точку, что сначала слилась с серым асфальтом, а потом исчезла из поля зрения.

На дороге чего-то не хватало, и Арон испуганным голосом позвал: «Петюня», никто не отозвался, он осмотрелся и увидел на сером асфальте изломанную куклу, из-под которой медленно расплывалась красная лужа. Арон, еще не веря, сделал шаг, другой к этой кукле, испачкал носки туфель в крови и навис над лежащим телом. Мгновение назад огромный ражий детина Петюня был жив, а сейчас просто и без изысков обратился в кадавра, расплескавшего мозги по дороге. Арон повернулся и пошел к джипу, на котором они приехали. За рулем сидел водитель по кличке Щера, еще не осознавший, что Петюни больше нет, погиб, и он остался без работы. Вторая жена Петюни – толстая, беременная, похожая на корову, Ирка, со склочным и стервозным характером, умудрилась поссориться со всеми, кто работал с Петюней, и теперь Щере надо искать новую работу.

Щера собирал лицо в морщины и пытался что-то сказать, но вместо слов раздавалось какое-то сдавленное перханье, но Арону было не до него, он нырнул в горячее нутро машины и достал солидный кожаный апельсинового цвета портфель, с которым Петюня ни на миг не расставался при жизни и который после смерти стал ему больше не нужен. Петюня, имевший пару ходок в зону, был накоротке знаком с медвежатниками и справедливо не доверял сейфам, и все самое ценное держал при себе, в этом кожаном портфеле апельсинового цвета. В портфеле находились акции металлургического завода, которые очень интересовали как Арона, так и других, чьими стараниями Петюне осталось примерить последнюю обновку – домовину. Арон отстегнул замки портфеля и достал увесистую пачку акций металлургического завода. Акции были по-простому завернуты в газету и перевязаны суровым шпагатом. Сам завод, несмотря на потуги чересчур умных реформаторов, угнездившимися под культяпыстые крыльями его всепьянейшества, которого лизоблюды величали царем, по примеру предыдущего, что правил после царя Федора Иоанновича (царь Борис Годунов, намек на Бориса Ельцина), на удивление стабильно работал и имел перспективы работать и дальше и не собирався выбрасывать белый флаг. Помимо акций Арон зацепил несколько пачек сто долларовых купюр в банковских упаковках. Одну пачку долларов он сунул Щере со словами: «Последняя получка от Петюни; помни, к портфелю никто не прикасался», а остальные пачки бросил назад в портфель, детишкам покойного на мелочишку. Щера несмело улыбался, он был явно ошарашен его щедростью, прежде за Ароним такого не водилось, но и ему было не жалко, ведь не свои же давал. Щера мелко затряс головой, он все понял, а Арон продолжил распоряжаться: «Гони в милицию и не забудь вызвать скорую, а я здесь останусь, с Петюней».

Джип сорвался с места, за ним растаял бледно-голубой дымок бензинового выхлопа, и вновь пустынная дорога, на ней вольготно раскинулся кадавр в подсыхающей луже крови. Арон бросил на него тряпку, чтобы прикрыть от появившихся огромных сине-зеленых мух, устремившихся к трупку.

Арон присел на обочине дороги. Стоявшее в зените солнце палило немилосердно, и пиликанье кузнечиков несло со всех сторон. Что смерть, что жизнь, эти человеческие дефиниции не имели никакого значения для природы, у которой для всего назначен свой срок, поэтому никто не бил в литавры при зарождении новой жизни и не сопровождал горестными воплями расставание с ней.

Прошел час, Арон сомлел от удушающей жары, а милиции все не было. Неожиданно ему показалось, что тело под тряпкой вздрогнуло, потом рывком село на дорогу, сорвало с себя тряпку и осмотрелось вокруг.

– Ч-ч-т-то с-случ-ч-чилось, – губы на вдавленной маске лица кадавра с трудом зашевелились.

Как ни странно, но Арон не удивился восставшему кадавру и спокойным голосом, словно ему приходилось постоянно общаться с покойниками, поведал о неожиданной гибели Петюни под грузовиком.

Кадавр наклонил плоскую голову и пальцами стер с лопнувшего черепа серо-белые потеки мозга.

– Петюня, зачем ты встал? – не выдержал Арон

– Я еще не успел договорить с тобой и хочу кое-что выяснить.

– Зря, ничего уже не изменишь, и я не обязан отчитываться перед тобой.

– Это важно для меня, ведь не откажешь в последней моей просьбе, и не будешь врать покойнику?

– Нет, – поспешно произнес Арон и тут же вспомнил о пакете с акциями, которые небрежно бросил на обочину рядом с собой.

– Ты взял акции, – это был не вопрос, а констатация факта, Арон вздрогнул и покаянно кивнул головой, а кадавр продолжил. – Твоя мечта, наконец, сбылась, и у тебя будет долгожданный миллион долларов. Помню, как ты мечтал о нём, и что теперь будешь делать, когда мечта исполнилась? – Петюня хотел по привычке громко расхохотаться, но вместо смеха вышло жалкое перханье. – Голосовые связки раздавлены, – озабоченно сообщил Петюня, растирая загустевшую кровь по горлу.

Арон понимал, что глупо оправдываться перед покойником, но оправдывался прежде всего для себя:

– Тебе же очень вежливо предлагали продать, а ты очень грубо отказался и продолжил еще больше скупать акции и, наверное, перешел дорогу этим вежливым покупателям.

Петюня ощупал руками туловище:

– Странно, я умер, а мне еще больно, все ребра переломаны. – Он помолчал, а потом, елозя пальцем по асфальту, продолжил. – Мне акций не жалко, так, пустые бумажки, тлен перед вечностью. Впрочем, хорошо, что забрал их ты, а то мои, что сыночек оболтус, что женка Ирка, дура стоеросовая, все равно бы их просрали. Ты – парень серьезный, с головой, теперь и меня превзойдешь, еще выше поднимешься, и ума деньгам за акции дашь, а не просадишь их, как мои уроды, на тряпки и гульки. Продай их, этим, вежливым, только с ценой не проследи. Последний вопрос: не ты ли организовал наезд?

Арон возмущенно вскинулся:

– Как ты мог подумать о таком...

– Верю, верю, – перебил Петюня, – хоть и ты тоже дерьмо порядочное, но на убийство у тебя кишка тонка, это я мог, а ты еще слабак...

Петюня еще дальше что-то тихо бубнил, но разобрать его слова было невозможно, и Арону, которому надоел неприятный разговор с кадавром, кому понравится, когда тебя только что уличили в краже, поднялся и подошел к нему. Вокруг кадавра уже вились роем крупные мухи, что ползали по лицу, залазили в нос и в рот. Арона передернуло от омерзения, он подобрал тряпку, накинул на голову трупа и тихо, хотя чего бояться, вокруг пустынная дорога, прошептал:

– Петюня, пора и честь знать, умер, значит, умер, не смущай меня своей болтовней, – и несильно толкнул кадавра в плечо, измазав в загустевшей крови пальцы.

Покойник, коротко взмахнув руками, покорно упал на дорогу, раздался костяной звук, это череп приложился к асфальту, по телу кадавра прошла судорога, и он наконец-то успокоился. Мертвый, Петюня казался еще больше, чем когда был живым.

Арон вернулся на обочину.

– Спасибо тебе, – неожиданно услышал Арон слабый голос Петюни из-под тряпки. Арона словно перетянули плеткой по плечам, удар был великолепный, с оттягом, которым срывали кожу с плеч, и, срывая голос, закричал:

– Петюня! Ты издеваешься надо мной? За что меня благодарить? Я понимаю, что мерзавец, вор, но я не мог поступить иначе! Петюня! Мне деньги нужны! Акции тебе уже без надобности! Ты умер, оставь меня в покое!

– Ты меня не дослушал, – с укоризной продолжил голос Петюни, – еще и прервал, никакого уважения к покойному. Я благодарен тому, кто устроил наезд, и, наконец, могу встретиться с первой женой – Лариской, одну её любил, а как ревновал! Так от ревности и прибил. Хотели, суки, посадить меня, но кишка у них была тонка, теперь встречусь с ней, повинюсь, может и простит меня, ведь при жизни-то всегда прощала. До скорой встречи, Арон, ты же знаешь, что такие, как мы, долго не живем на свете. Последнее пожелание: можешь не жалеть моего сына-оболтуса и эту сучку Ирку, хоть и беременна от меня, но чую, что родит какого-нибудь уродца. Пока!

Арон вскочил и с ненавистью пнул трупа, чего жалеть туфли, он и так их испачкал в крови, больше носить не будет. Сука! Все-таки оставил за собой последнее слово. Свои акции Арон недавно продал этим вежливым, но до вожеленного миллиона не хватало. Вежливые хотели подмять под себя металлургический завод, но им мешал Петюня, который наперегонки с ними скупал акции завода. Вежливые в его присутствии предложили Петюне продать акции за очень хорошие деньги. Арон, убеждал Петюню продать акции, но тот его не послушал. Вежливые разговаривали с Петюней в пятницу, а во вторник вежливые, больше было некому, быстро и радикально решили проблему. Теперь акции у него, и он не продешевит при их продаже. Петюня в последнее время стал несносным, задрал нос и возомнил, что ухватил господ бога за бороду. Петюня имел наполеоновские планы на металлургический завод и хотел стать не просто миллионером, а бери выше, миллиардером. Арон пытался отговорить, но это было бесполезно, а вежливые имели свое мнение о кандидатуре директора завода. Итого: акции у него, скоро будут у вежливых, он с отступным миллионом талеров, долларов, фунтов, иен, как хочешь, так и называй эти купюры, только не сребренников, он не Иуда, никому не продавался, случайно так получилось. Арон давно решил, куда пойдут эти деньги, когда заработает миллион. Он начнет заниматься продуктами, самое выгодное дело! Арон успокоился, что толку пинать мертвое тело, которому не больно и ничего не докажешь, и вернулся на обочину ждать милицию.

Все, что произошло потом, Арон воспринял как необходимую расплату за акции Петюни, за которыми, как, оказалось, охотился и другие, просто он оказался самым удачливым охотником. Ирка, вторая жена Петюни, объединилась с его сыном оболтусом от первого брака, ранее его терпеть не могла, и с их подачи милицейские, которым она позолотила ручку, вцепились в Арона как бульдоги, требуя от него акции. Милицейские, чтобы напугать его, на неделю бросили в обезьянник к бомжам, и возбудили против него уголовное дело по факту кражи акций. Арон ни в чем не признавался, а через неделю на свет появился договор купли-продажи акций, по которому Петюня за неделю до смерти продал акции. На договоре была подпись Петюни. То, что подпись Петюни была подлинной, можно было не сомневаться, у Арона про запас было несколько чистых листов бумаги с автографом Петюни. Арон, продавая акции, передал вежли-

вым и несколько листов с его подписями. Покупатель, легализируя сделку, предъявил договор с подлинной подписью и тем самым спас Арона.

После того, как акции уплыли из рук наследников Петюни, они вдрызг разругались между собой. Милицейские начальники, который тоже хотели погреть руки на акциях, потеряли к нему интерес, и Арона пинком выгнали из обезьянника. Арон, грязный, немывтый, вдобавок завшивевший, насекомых ему от своих щедрот подарили бомжи, от радости был готов расцеловать пожилого милицейского сержанта, выпустившего его из обезьянника, но тот отшатнулся от него со словами: «пошел прочь, пидор, иначе зашибу». Арон не обиделся на милицейского сержанта, он вышел из отделения милиции и с наслаждением вдохнул такой пьяняще-чистый воздух свободы.

Ирка его прокляла, сынок оболтус с друзьями попытался его побить, но Арон, не обращая на них внимания, с легким сердцем уехал из города Б. с единственной достопримечательностью – металлургическим заводом. Металлургический завод, как большой слон, неспешно помахивая хоботом, продолжил свой путь. Вокруг массивных ног слона всегда вились шавки и визгливо его обгавкивали, но ему не было никакого дела до них, он упорно продолжал свой путь, а если какая-то шавка не успевала отскочить, слон с хрустом её давил и оставлял после себя кровавое пятно. Слон был не виноват, а шавкам надо было знать своё место и быть порезвее.

Вежливые были честны с Ароном, и он получил вождеденную сумму за акции Петюни. Он сразу занялся продуктами и преуспел на этом поприще.

Через год Арон еле нашел на кладбище провалившийся холмик с покосившимся крестом с эмалированной табличкой-номером на могилке Петюни. Он постоял на ней, грустно повздыхал и поведал покойному последние новости о его близких: сынок оболтус сел за изнасилование, Ирка родила девочку, которую оставила в роддоме, потом запила, и недавно кто-то из собутыльников по пьяни её прирезал. Кладбище, на которое приехал Арон, было самым бедным в городе и на нем не было дорогих памятников, которые стояли на других кладбищах и кичились друг перед другом мраморными или гранитными боками и тяжелыми чугунными цепями оград. На этом кладбище стояли деревянные кресты, металлические конусы со звездочками и скромные памятники из рассыпающейся мраморной крошки. Следом за Ароном приехали на кладбище рабочие и грузовик с памятником.

Перед тем, как заказать памятник, Арон много прочитал соответствующей литературы, просмотрел каталоги и советовался со скульпторами. После установки этот памятник стал украшением городского кладбища, который стал городской достопримечательностью. Посещение этого памятника стало обязательным ритуалом. Сначала проводывались родные могилки, а потом приходили к нему, любовались, вздыхали, прикидывая в уме его стоимость, и интересовались друг у друга, кем же был при жизни покойный, раз ему установили такой прекрасный памятник и кто же тот загадочный, что не поскупился на него. Особо интеллигентные посетители, выказывая свою эрудицию, говорили с важным видом, что видели подобные памятники на старинных московских или питерских кладбищах.

Памятник представлял собой античный портик, который поддерживали дорические колонны. Эта часть памятника была высечена из черного карельского гранита с серо-голубым оттенком. Под портиком была установлена скульптура скорбящей девы, обнимающей символическую урну с прахом, над которой парил ангел. Эти скульптуры были высечены из каррар-

ского белого мрамора. Резец скульптора сотворил истинное чудо из камня. Изящные фигуры дева и ангела были полны жизни, казалось, они на мгновение задержались у могилы Петюни, чтобы выразить свою скорбь по поводу его смерти, сейчас дева встанет и уйдет, растворится в перспективе кладбищенских аллей, а ангел взмахнет крылами и улетит на небо, но не уйти им, они навечно остались оплакивать покойного. Никто не знал имени Петюни, и только после смерти Арон узнал, как звали покойного, – Кольчик Игорь Петрович. Мир праху Игоря Петровича.

Сатана правил балом в веселые девяностые на Руси, и не перечесть, сколько было их, возникших в мутной пене и погибших во славу презренного металла, за призрачную надежду быстро разбогатеть, только еще быстрее сошедших в могилу. Многим из них на могилах установили не то, чтобы памятники, а хотя бы таблички с именами. Многие так остались безымянными, что потом вытаивали весной из-под снега, получив красивое название «подснежники», а на кладбищах появлялись многочисленные безымянные могилы с номерками на сбитых на скорую руку крестах.

После установки памятника Арон поклонился могиле бывшего компаньона, сказал последнее «прости» и повернулся, чтобы уехать из этого города. Неожиданно из-под земли раздался глухой голос Петюни: «я ждал, но не тебя, и теперь понял, почему никто из близких не приходит на могилу. За памятник премного благодарен, но скажи, не пытаешься этим памятником откупиться от меня и заглушить голос своей совести?». Арон вздрогнул от неожиданности и хотел, как тогда, на дороге, оправдаться перед Петюней, но благоразумно решил промолчать. Дело сделано, он отдал долг покойному, пусть спокойно лежит, радуется памятнику и больше не мешает ему жить. Его не мучили угрызения совести. Ему повезло, а Петюне – нет, вот и вся разница, только нет в этом его вины.

Старушка, убиравшая соседнюю могилу, подошла к памятнику Петюни, полюбовалась им и, подслеповато шурясь, прочитала на табличке «от друга». Вернувшись к своей могилке, где стоял металлический конус со звездочкой, покрашенный серебрянкой, и прошептала: «Эх, Ванечка, тебе-то я смогла хоть такой памятник поставить, кто же мне поставит, и кто похоронит меня рядом с тобой, ведь одна я осталась на свете», и слезы потекли по морщинистым щекам, которые в молодости были как наливные яблочки и их любил целовать покойный муж.

Уехав с кладбища, Арон тут же позабыл о Петюне. Осталось только светлое чувство исполненного долга и грустные мысли, которые посещают каждого на кладбище,

о суетности человеческой жизни, о том, как много человеку нужно при жизни и как мало надо после смерти.

Арон больше никогда не приезжал в город Б. Если в этом была нужда, он посылал кого-нибудь из сотрудников фирмы, которых просил убрать на могиле знакомого. Установив памятник Петюне, он подвел черту над очередным этапом своей жизни. Теперь, переродившись, как птица Феникс, миру был представлен очень богатый Арон, владелец серьезного дела с миллионными оборотами. Больше о Петюне он никогда не вспоминал.

Прощай, Петюня, *sic transit gloria mundi*¹⁴. Когда прошел год, о тебе вспомнили по пьяни только бывшие собутыльники, которых ты щедро поил при жизни, сожалея, что больше никто им не ставит дармовой выпивки. Когда прошло пять, о тебе забыли, и никто, плохим или хоро-

¹⁴ *sic transit gloria mundi* лат. – так проходит слава мирская

шим, не поминал тебя. Сынок оболтус, продолжавший тянуть срок, заболел туберкулезом, был переведен в специализированное ИТК, где ему поставили диагноз «диссеминированный туберкулез легких в фазе инфильтрации и распада», и сейчас он выкашливал легкие на больничной койке. Прошло десять, и подросла девочка, которую родила непутевая Ирка, чья могила по злой иронии судьбы затерялась на кладбище, где был ранее похоронен Петюня. Пророчество Петюни относительно ребенка не сбылось, девочка оказалась такой хорошенькой и умненькой, что её сразу удочерили. По закону компенсации, девочке единственной повезло из этой семьи, она росла и радовала своих приемных родителей и ничего знала о своём отце Петюне, который когда-то был самым богатым человеком в Б., но в наследство ей достались не мифические миллионы отца, а его легкий характер, смешливость и ярко-рыжие волосы.

Покойный Петюня был главным скелетом в шкафу Арона, другие были помельче, и их истории совсем неинтересны. Когда по жизни идет богатый хищник, мелюзга должна разбегаться и прятаться, таков извечный закон российской тайги.

1.5

Побег. Каждый уходит по-своему

После неслучившегося столкновения трамвай тронулся, и Алекс посмотрел на часы. Оставалось ехать около пятнадцати минут. Он закрыл глаза и вновь задремал. Его сон продолжился с того момента, когда он лихо выставил незнакомца. Это событие на долгое время стало главной темой для разговоров в семье. Жена с дочкой вспоминали всё новые и новые подробности, дочка рассказала по телефону своим подругам об этом случае, но потом это событие, потеряв новизну, стало забываться и уплыло прочь по реке по имени Лета.

Алекс решил сделать ремонт в квартире, купил обои, краску и стал заниматься им по вечерам. Лара помирилась с ним и вместе с дочерью, которая с началом переходного возраста стала очень строптивой и непокорной, помогали ему клеить обои. Вернее помогала жена, а дочь под любыми предлогами уваливала от помощи, жалуясь на большую загруженность в школе.

Совместный труд пошел во благо, жена прекратила ссориться и скандалить с ним. Однажды ночью Лара крепко прижалась к нему, и тихо её губы тихо выдохнули: «иди ко мне». Алекс удивился, и давно забытая близость с женой заставила вспомнить о первых семейных годах, когда при малейшей возможности он задирали подол у жены, и она с радостью отдавалась ему. Лара после этой памятной ночи неожиданно стала тихой и покладистой.

Так они жили и наслаждались тишиной, но в один прекрасный момент соседка вновь появилась в коридоре квартиры. Увидев её, Алекс вздрогнул, представив новые бессонные ночи. Наивный, как он ошибался. Первое время К.Г. была как сомнамбула, когда он что-то спрашивал у нее, бессмысленно тарасила на него выптветшие глазки, что-то нечленораздельно бубнила себе под нос и еле шаркала ногами по коридору. У соседки появилась новая привычка, она могла часами заператься в ванной.

Однажды он был вынужден снять дверь с петель, после того, как она забыла закрыть кран, и вода потекла на пол, и снизу прибежали соседи. Голую соседку пришлось выуживать из ванной, где в недобрую майскую ночь она решила изобразить из себя утопленницу. Алекс понадеялся на скорую помощь, которая повезла ее в отделение, но дважды в одни и те же воды никому не дано ступить. Он убедился в этой библейской мудрости, когда скорая помощь вернулась через час, и фельдшер, ругаясь, заявил, что диагностировали не попытку суицида, а учитывая ее возраст, признали банальным аспирационным¹⁵ утоплением, поэтому ее откачали и вернули домой.

Это были цветочки, час сбора плодов наступил попозже... В тяжелый ночной час его разбудила жена и испуганно пискнула, что на кухне происходит что-то непонятное. Сонный, с трудом соображая, он едва поднялся и, как был в трусах и майке, поплелся в коридор. В коридоре было тихо и темно, тянуло чем-то горелым, а на кухне что-то вспыхивало, словно там велась сварка.

Он медленно добрел до кухни и остановился на пороге. Света на кухне не было, а то, что он принял за сполохи сварки, оказалось огнем, рвавшимся вверх из конфорок. Четыре голубых короны огня плясали в такт взмахам рук соседки. Конкордия-Клавдея-Горжетта-Григорьевна,

¹⁵ аспирационным лат. – истинное, мокрое

выжившая из ума старуха, твой образ, дирижирующей огнем, как симфоническим оркестром, навсегда остался в памяти Алекса.

Пораженный этой сюрреалистической картиной, он застыл на пороге кухни. Соседка, услышав его шаги, обернулась. Её покрасневшее лицо было застывшим, словно гипсовая посмертная маска, на нем жили только глаза, в них поселилось безумие, и она отточенным на сцене царственным жестом, словно низвергнутая королева, бросающая под ноги черни ненужные теперь драгоценности, швырнула в огонь ворох старых газет.

Пламя жадно лизнуло бумагу, и тут же взвилось вверх, до потолка. Соседка неожиданно чистым и звонким детским голосом, словно пионерка на трибуне давно позабытого съезда комсомола, стала декламировать, перевирая слова горьковского буревестника: «пусть сильнее вспыхнет пламя, пусть сильнее вспыхнет пламя! Пусть оно очистит нас!». Алекс наступил голый пяткой на вылезшую шляпку гвоздя и от боли громко чертыхнулся. Соседка прекратила декламировать-уродовать буревестника, и, оставаясь в образе низвергнутой королевы, величаво обернулась к нему, и ее губы произнесли, словно слуге, реплику из какой-то пьесы классического репертуара: «пойдите прочь, несчастный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.